

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
Философский факультет
Научно-образовательный центр современных марксистских исследований

А. В. Бузгалин

Марксизм после «Капитала»: российский контекст

Доклад на международной конференции
«Капитал»–XXI: философия, методология, теория»,
посвященной 150-летию выхода 1-го тома «Капитала» К. Маркса
(г. Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, 20 мая 2017 г.)

Москва
2017

УДК 330.1
ББК 65.01
Б 90

Бузгалин А. В. Марксизм после «Капитала»: российский контекст. Доклад на международной конференции «“Капитал”–XXI: философия, методология, теория», посвященной 150-летию выхода 1-го тома «Капитала» К. Маркса. М.: Культурная революция, 2017. – 48 с.

Автор доклада – д.э.н., профессор МГУ имени М. В. Ломоносова, главный редактор журнала «Вопросы политической экономики», один из лидеров постсоветской школы критического марксизма, руководитель Научно-образовательного центра современных марксистских исследований (НОЦ СМИ) философского факультета МГУ имени М. В. Ломоносова представляет политэкономический доклад, в котором представлены результаты размышлений на темы великих достижений и «провалов» классического марксизма, а также достижений и «белых пятен» марксизма современного. Автор доклада показывает, в чем методологическое наследие К. Маркса устарело, а в чем сохранило актуальность, и каковы возможные направления его развития, учитывающие вызовы, стоящие перед обществом XXI века.

© А.В. Бузгалин 2017

© Издательство «Культурная революция», 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	4
<i>глава 1</i> РЕАКТУАЛИЗАЦИЯ МАРКСИЗМА: РОССИЙСКИЕ ДИСКУССИИ.....	5
Марксизм: дебаты в России 2000-х.....	5
Постсоветская школа критического марксизма.....	9
<i>глава 2</i> РЕАКТУАЛИЗАЦИЯ МАРКСИЗМА: СТАРЫЕ ВОПРОСЫ И СТАРЫЕ ОТВЕТЫ ОСТАЮТСЯ В ОПРЕДЕЛЕННОЙ МЕРЕ АКТУАЛЬНЫМИ.....	14
Маркс исследовал законы классического индустриального капитализма. Не так ли?.....	15
Рынок «доказал» свою эффективность: тезис о диалектическом единстве производительных сил и производственных отношений устарел?.....	20
Многие открытые Марксом общественные законы сегодня не действуют. Почему?.....	24
Социалистические революции XX века произошли в слаборазвитых странах и закончились кризисом «реального социализма». Ergo?.....	26
<i>глава 3</i> РЕАКТУАЛИЗАЦИЯ МАРКСИЗМА: НОВЫЕ ОТВЕТЫ НА НОВЫЕ ВОПРОСЫ.....	31
Главными сегодня становятся глобальные проблемы, а не классовая борьба: «провал» марксизма?.....	31
Формационный подход не объясняет «столкновения цивилизаций» и зигзагов современного исторического развития: марксистская социальная философия устарела?.....	35
В России восстанавливается капитализм. Следовательно... марксизм показал свою актуальность применительно к исследованию постсоветских социумов?.....	38
Литература.....	40

Введение

Почти два века, прошедшие с рождения Карла Маркса, ознаменовались рождением и... многократно объявлявшейся смертью научной школы и общественного течения, неслучайно названных по имени их основателя – марксизмом. Само это имя стало значимым как, наверное, никакое другое в общественных науках: оно не оставляет безразличным никого. Марксизм ненавидят и едва ли не обожествляют. Его ниспровергают и им клянутся. Его критикуют, развивают и... регулярно объявляют окончательно умершим.

Между тем жизнь все чаще заставляет нас обращаться к методологии марксизма, критически анализировать ее потенциал, определяя (и подчас заново открывая старые истины) возможности эффективного использования классического наследия, отделяя их от устаревших положений, дополняя их опять же критически воспринимаемым багажом марксистских разработок пост-классического периода (особенно – второй половины XX – начала нынешнего века).

Критически осмысленный, рассматриваемый во всем богатстве противоречий его развития марксизм в новом веке становится едва ли не единственной целостной, имеющей более чем полуторавековую историю всемирного развития, методологией. Причина этого известна: современный, живой, творческий марксизм есть конкретно-всеобщее единство философско-методологических оснований и содержательной теоретической парадигмы практически всех общественных наук. Как методология марксизм соединяет в себе (1) социо-философский материализм, предполагающий обращение в общественных науках к исследованию не столько субъективного индивидуального поведения, сколько объективных общественных отношений и процессов и человека как их персонификации и субъекта, с одной стороны, и (2) диалектический, историко-системный подход, ориентированный на различение содержания и форм (в том числе – превратных), анализ не только функционально-количественных взаимосвязей, но и качественных исторически-конкретных трансформаций – с другой.

Реактуализация этого наследия, превращение его современных версий в рабочий инструмент ученого и вместе с тем – поле исследований, представляется нам одной из важнейших задач в области современной методологии.

Автор выражает благодарность своему товарищу по научным поискам и соавтору по многим работам д.э.н., профессору А.И. Колганову за плодотворное обсуждение идей, представленных в настоящем тексте, послужившее катализатором для кристаллизации идей и завершения подготовки текста к печати.

Глава 1. Реактуализация марксизма: российские дискуссии

На постсоветском пространстве вообще и в России в частности два десятилетия э(ин?)волюции, последовавшей за распадом СССР, ознаменовались господством (среди проправительственного истеблишмента) праволиберальных идей и жесткой политикой давления на марксизм и марксистские исследования. Имя и теория Маркса, которые в СССР официально насаждались, стали столь же официально изгоняться из образовательного процесса и теоретических дебатов. Однако в области общественной мысли на протяжении двух последних десятилетий также все больше назревало недовольство монопольным засильем праволиберальных идей и парадигм. Начиная с 2000-х годов и особенно в связи с мировым финансовым и экономическим кризисом, начавшимся в 2008 году, в России, как и во всем мире, стали все чаще обращаться к теории Карла Маркса как не только важной части истории общественной мысли, но и актуальному методолого-теоретическому ресурсу. Все чаще и чаще выходят работы, посвященные этому ученому и названной его именем научной школе¹. В результате начало XXI века стало периодом достаточно четкого самоопределения значительной части мыслящих обществоведов по отношению к Марксу.

Марксизм: дебаты в России 2000-х

Первая группа, сформировавшаяся еще на рубеже 80-х – 90-х годов прошлого века, – это *праволиберальные критики Маркса*. Они считают разработки Маркса не наукой, а идеологией, причем идеологией исключительно вредной – нацеленной на подавление демократии и свободы, на подчинение индивида тотальности, ниспровержение эффективной рыночной системы и замены ее утопической, умозрительно сконструированной и реакционной моделью всеобщего обобществления и т. п. В чистом виде это направление ныне редко обнаруживает себя в научной среде. Однако его «окультуренная» версия, признающая за Марксом право на существование в виде некоторого раздела в области истории науки и даже полезного компонента некоторых исследований некоторых общественных процессов, вновь заявила о себе в последние годы в рамках течения, близкого к *социал-либерализму*. Это течение в основном представлено экономистами, которые отрицают фундаментальные политико-экономические идеи Маркса (трудовая теория стоимости, теория прибавочной стоимости и т. д.), едва ли не все политико-идеологические выводы из его теории, но *считают возможным использовать некоторые тезисы из области социальной философии*. Одной из наиболее ярко видимых отличительных черт этого течения является жесткая привязка теории Маркса к реалиям СССР как практике ее применения при явно отрицательном отношении к советской системе и явно позитивном – к модели Западного мира².

Несколько большими симпатиями к Марксу и его теоретическим разработкам характеризуется очень размытое течение, которое условно можно обозначить как *«реформистское» или «социал-демократическое»*, понимая под этим не идеологические штампы, а научную квалификацию: принципиальную ревизию основных положений Маркса. В этом ключе пишут В. Афанасьев, А. Вебер, А. Галкин, Ю. Красин, В. Медведев, Р. Медведев, Б. Орлов, Ю. Плетников, В. Толстых, Г. Цаголов и мн. др.³ Едва ли не наиболее ярко отношение этого течения к марксизму (прежде всего – его политэкономической составляющей) выражено в рецензии директора Института экономики РАН (ныне – научного руководителя

¹ Начиная с 2000-х годов в России даже в центральных академических изданиях («Вопросы философии», «Вопросы экономики» и т. п.) стали регулярно публиковаться статьи по проблемам марксизма. Систематически они появляются и на страницах журнала «Свободная мысль». Школа критического марксизма представлена статьями, публикующимися едва ли не в каждом номере журнала «Альтернативы» вот уже 25 лет.

² *Гайдар Е., Мау В.* Марксизм: между научной теорией и «светской религией» (либеральная апология) // Вопросы экономики. 2004. №№ 5-6; *Кудров В.* К современной научной оценке экономической теории Маркса-Энгельса-Ленина // Вопросы экономики. 2004. № 12; *Нуреев Р.* Исторические судьбы учения Карла Маркса // Вопросы экономики. 2007. № 9. Заметим, что если В. Кудров однозначно негативно относится к марксизму как апологии советского тоталитаризма, то Р. Нуреев стремится занять более взвешенную позицию.

³ См. например: *Галкин А. А., Красин Ю. А.* Россия на перепутье. Авторитаризм или демократия: варианты развития. М. 1998; *Галкин А. А., Красин Ю. А.* Россия: Quo vadis? М.: Институт социологии РАН, 2003; *Медведев В. А.* Перед вызовами постиндустриализма. М.: Альпина Паблишер, 2003; *Плетников Ю. К.* Материалистическое понимание истории и проблемы теории социализма. М.: Альфа-М, 2008; *Цаголов Г.* Модель для России. М.: Международные отношения, 2010.

Института экономики РАН) Р. Гринберга на первое издание книги «Глобальный капитал»¹, написанной автором этого текста в соавторстве с профессором А. Колгановым. Что касается философской составляющей, то здесь одной из нашумевших работ стала книга академика Т. Ойзермана «Марксизм и утопизм» (М., 2003), в которой автор, выступивший в качестве экс-идеолога марксизма-ленинизма, повторил основные направления критики Маркса, типичные для теоретиков правого крыла европейской социал-демократии. Эта книга вызвала в кругах российской философской общественности некоторую дискуссию², в которой доминировала в целом позитивная оценка книги, хотя была и лево-радикальная критика этой работы. Последняя, к сожалению, во многом воспроизводила малопродуктивную ныне догматическую трактовку идей Маркса, позаимствованную из не лучших учебников советской поры. Заметим, что сам исследователь определяет свою позицию как «самокритику марксизма», и в качестве главного с его точки зрения достижения научного марксизма Т.И. Ойзерман выделяет обоснование возможности и необходимости всестороннего развития человеческих способностей и потребностей, теоретическое обоснование гуманистического мировоззрения (эта позиция представлена в существенно переработанном и дополненном переиздании книги «Возникновение марксизма», впервые опубликованной в 1962 г. под названием «Формирование философии марксизма»³).

Если же говорить о названном нами «социал-демократическом» течении в российском марксизме в целом, то его представители не слишком отличаются от своих западных коллег. Они признают, во-первых, правоту некоторых положений Маркса применительно к реалиям XIX века и, во-вторых, поддерживают основные идеи продвижения в направлении большей социальной справедливости и гуманизации существующего общества. При этом фундаментальные выводы Маркса о «конце предыстории» и скачке человечества к «царству свободы» ими в большинстве своем либо замалчиваются, либо интерпретируются существенно иначе, чем Марксом (в виде идей постиндустриального общества и т.п.), либо прямо отрицаются. Это течение представлено главным образом специалистами в области социальной философии и политологами. Они стремятся к «позитивной конвергенции» основных достижений марксизма и либерализма в теории, элементов капиталистической системы и социализма – на практике. Характерной чертой этого течения 2000-х годов, отличающей его от «ревизионизма» столетней давности, является пристальное внимание к проблемам нового качества общественного развития в условиях генезиса постиндустриального общества.

Среди политико-экономических работ авторов, принадлежащих к течению, условно обозначенному нами как «социал-демократическое», и посвященных политико-экономическому наследию Маркса, хотелось бы отметить вышедшие в последние годы статьи Л. Гребнева и О. Ананьина, а также книгу А. Сорокина⁴. Первая из статей посвящена обоснованию тезиса о неисчезновении марксистской теории из постсоветской экономической науки, вторая – аргументации тезиса об актуальности не столько экономико-политических тезисов Маркса, посвященных судьбам классического капитализма, сколько его предвидения в отношении будущего мира, основанного на всеобщем творческом труде, мира, который ныне квалифицируется как общество знаний или постиндустриальное общество. Что касается книги А. Сорокина, то это одна из наиболее развернутых попыток показать, как на базе исходных положений марксовской трудовой теории стоимости можно в конечном итоге перейти к анализу экономических феноменов, рассматриваемых в неоклассике. В конце, правда, автор ухитряется превратить марксизм в апологию капиталистического развития и классового мира.

Существует также весьма пестрый круг *левых интеллектуалов*, лишь отчасти относящих себя к последователям Маркса, но занимающих про-социалистические позиции. При всем различии представителей этого течения, большинство из них остается в поле материалистического понимания истории и ищет пути движения к качественно иному, нежели нынешняя общественная система, миру будущего.

¹ См. Гринберг Р. Возвращение политической экономии (о книге А. Бугалина и А. Колганова «Пределы капитала: методология и онтология») // Вопросы экономики. 2010. № 11.

² Обсуждение книги Т. И. Ойзермана «Марксизм и утопизм» // Вопросы философии. 2004. № 2. С. 43-112.

³ См.: Ойзерман Т. И. Избранные труды. В 5 томах. Том 1. Возникновение марксизма. М.: Наука, 2014.

⁴ См.: Гребнев Л. «Мавр» возвращается? А он и не приходил... (к дискуссии о значимости научного наследия К. Маркса) // Вопросы экономики. 2004. № 9; Ананьин О. Карл Маркс и его «Капитал»: из девятнадцатого в двадцать первый век // Вопросы экономики. 2007. № 9; Сорокин А. В. Экономическая структура общества. М., 2004 (см. также дополненные и расширенные книги, подготовленные в результате развития концепции: Сорокин А. В. Теория общественного богатства. Основания микро- и макроэкономики: Учебник. М.: Издательство «Экономика», 2009; Сорокин А. В. Общая экономика: бакалавриат, магистратура, аспирантура. М.-Берлин, Директ-Медиа, 2016).

Среди философов это, в частности, относительно молодые интеллектуалы, тяготеющие к постмодернистской методологии вообще и постмодернистской интерпретации некоторых идей Маркса в частности. Это направление представляют А. Пензин и других участники группы «Что делать?»¹. Они в основном комментируют и развивают работы своих европейских гуру.

Имеется и весьма аморфная группа, к которой принадлежат авторы старшего поколения, вышедшие из критического марксизма советской эпохи, но ныне предпочитающие не связывать свои работы жестко с именем Маркса. Один из наиболее известных среди них – В. Межуев, реперными точками для которого является различение Маркса как критика политической экономии от ортодоксально-советских толкователей этого мыслителя, акцентировавших внимание на «трех источниках и трех составных частях марксизма» (философия, политическая экономия и научный социализм). Важным компонентом теоретических разработок этого автора является тезис о будущем обществе как прежде всего не-экономическом, лежащем в пространстве культуры².

Уже ушедший от нас К. Кантор работал в рамках известной традиции религиозно-гуманистического истолкования Маркса³.

Весьма многочисленна группа левых историков, в среде которых выделяются авторы, более близкие к теориям Бакунина и Кропоткина, нежели Маркса. Это В. Дамье (серия работ по истории анархизма), А. В. Шубин (автор серии работ, конструктивно-критически анализирующих опыт СССР и раскрывающих потенциал будущего общества, строящегося на основе отношений самоорганизации, горизонтальных сетевых взаимодействий и низовой демократии), Я. Леонтьев (жесткий критик сталинизма) и др.⁴

Достаточно понятно, что в среде независимых левых интеллектуалов большую роль играют авторы, которых с некоторой долей условности можно отнести к политологам. Наиболее близок из них к марксизму Б. Кагарлицкий⁵. Его работы носят в большинстве своем аналитический и публицистический характер, а специально посвященная Марксу и марксизму книга по своим акцентам, на наш взгляд, тяготеет к тому, что в середине прошлого века называлось еврокоммунизмом⁶. Есть ряд других авторов, работающих в жанре левой политической журналистики и политологического анализа, но их работы, как правило, мало затрагивают вопросы методологии.

Наконец, обратим внимание на довольно широкий круг экономистов, не акцентирующих своей приверженности политико-экономической теории Маркса, но работающих преимущественно в рамках этой методологии и тяготеющих к левым идеям в очень разной их интерпретации. Это Г. Гловели (знаток методологии и теорий Богданова и Валлерстайна и их последователь), С. Губанов (экономист, тяготеющий к государственным идеям), М. Павлов, Ю. Павленко, Э. Соболев, И. Соболева и др. Некоторые из экономистов-теоретиков, выросших еще из советской школы критического марксизма, тяготеют к поиску интеграции классической политической экономии Маркса с неоклассикой (О. Ананьин, Л. Гребнев, Е. Красникова, А. Сорокин, К. Хубиев и др.), институционализмом (А. Московский), славянофильством (В. Волконский, В. Кульков и др.).⁷

Преимущественно в рамках воспроизведения теории самого Маркса расположено поле исследований, в которых делается попытка некоторой доработки этой теории применительно к реалиям новой эпохи, но без

¹ См.: Пензин А. Катастрофы «реального капитализма» // Художественный журнал. 2011. № 81/82; Постсоветская «сингулярность»: несколько тезисов и историй вокруг одной проблемы // Личность. Культура. Общество. 2012. Т. XIV. Вып. 2.

² См.: Межуев В. М. Маркс против марксизма. М.: Культурная революция, 2007; Межуев В. М. Социализм пространство культуры // Социализм-21. 14 текстов постсоветской школы критического марксизма. М.: Культурная революция, 2009. (Библиотека журнала «Альтернативы»). С. 113–164.

³ См.: Кантор К. М. Двойная спираль истории. Историософия проектизма. М., 2002.

⁴ См.: Шубин А. В. Социализм: «золотой век» теории. М., 2007.

⁵ См., например: Кагарлицкий Б. Ю. Восстание среднего класса. М.: Ультра. Культура, 2003; Кагарлицкий Б. Ю. Политология революции. М.: Алгоритм, 2007; Кагарлицкий Б. Ю. Периферийная империя: циклы русской истории. М.: Эксмо, 2009; и др.

⁶ См.: Кагарлицкий Б. Ю. Марксизм: не рекомендовано для обучения. М.: Алгоритм, ЭКСМО, 2005.

⁷ См., например: Волконский В. А. Драма духовной истории: внеэкономические основания экономического кризиса. М.: Наука, 2002; Московский А. И. Институционализм: теория, основа принятия решений, метод критики // Вопросы экономики. 2009. № 3; Сорокин А. В. Теория общественного богатства. Основания микро- и макроэкономики. Учебник. М.: Экономика, 2009; Гловели Г. Д. Геополитическая экономия в России: от дискуссий о самобытности к глобальным моделям. Самара: Алетейя, 2009.

претензий на сколько-нибудь серьезную критику текстов самого Маркса¹. В большинстве своем это исследования, в которых под разными углами и в разных контекстах рассматриваются известные положения Маркса и его последователей и предлагаются некоторые авторские дополнения, часто связанные со спецификой советского и постсоветского социума. Большая часть этих авторов при этом тяготеет к левой социал-демократии. Они ищут пути интеграции позитивных достижений советской системы и теоретических предвидений этого течения, подчеркивают позитивные моменты китайской модели, несколько ее при этом идеализируя (В. Шевченко, Б. Курашвили, В. Келле), но есть и более радикальные авторы (В. Семенов).

Особо хотелось бы выделить два весьма разнородных сообщества философов, в целом весьма близких к идейному наследию Маркса и его творческих последователей в СССР. Одно – исследователи наследия величайшего советского философа *Эвальда Ильенкова* (В. Лазуткин, Г. Лобастов, С. Мареев, Е. Мареева, А. Сорокин и др.; особняком среди них стоит профессор Л. Науменко, более близкий по взглядам к постсоветской школе критического марксизма)². Другое – сообщество ученых относящих себя к последователям и ученикам другого выдающегося советского марксиста, ученика и друга Д. Лукача – *Михаила Лифшица* (лидером этого сообщества является В. Арсланов³).

Среди авторов, работающих на стыке экономики, социологии, политики и культуры, обратим внимание на работы А. Баранова, А. Пригарина, Г. и Б. Ракитских, В. Хазанова, С. Черняховского, А. Шендрика⁴; среди историков – А. Гусева, С. Новикова, В. Логинова (крупнейшего в России исследователя жизни, деятельности, творчества В. Ульянова-Ленина), Д. Чуракова и др.⁵

Наконец, нельзя не отметить, что в нашем Отечестве сохраняется и течение *ортодоксальных последователей Маркса*, в лице одних представителей доходящий до сталинско-ждановской гротесковости, в лице других (прежде всего – Р. Косолапов и Д. Джохадзе) – возвышающийся до адекватности классическому наследию самого Маркса. В большинстве случаев эти авторы воспроизводят основные положения советских стандартов середины прошлого века с добавлением новаций, главным образом касающихся критики – вполне обоснованной – современного капиталистического развития России и более или менее сильными сталинистскими тенденциями⁶.

Если оставить в стороне тех авторов, кто либо догматически пытается воспроизводить положения самого Маркса, либо по сути дела отказывается от основных парадигмальных определенностей этого

¹ См., в частности: *Баллаев А.* Читая Маркса. М., 2004; *Дмитриев А. Н.* Марксизм без пролетариата: Георг Лукач и ранняя Франкфуртская школа 1920-1930-е гг. СПб., 2004; *Келле В. Ж.* Марксизм и постмодернизм // *Альтернативы*. 2006. № 3; *Клоцов Ф. Н.* Социализм: теория, опыт, перспективы. М., 2008; *Котельников М. Е.* Основное противоречие марксизма: социально-философская экспликация. М., 2005; *Курашвили Б. П.* Новый социализм. К возрождению после катастрофы. М., 1997; *Семенов В. С.* Социализм и революции XXI века. Россия и мир. М., 2009; *Шевченко В. Н.* Советская модель социалистического общества: причины поражения // *Исторические судьбы социализма*. М.: ИФ РАН, 2003; и др.

² *Лобастов Г. В.* Ильенков как философ // *Вопросы философии*. 2000. № 2; *Лобастов Г. В.* Философско-педагогические этюды. М.: Микрон-принт, 2003; *Мареев С. Н.* Встреча с философом Э. Ильенковым. Издание 2-е. М., 1997; *Науменко Л. К.* «Наше» и «мое». Диалектика гуманистического материализма. М., 2012.

³ *Арсланов В. Г.* Постмодернизм и русский «третий путь». М., 2007.

⁴ *Хазанов В. Е.* Развитие левых идей: гуманистические направления. М., 2013; *Ракитская Г. Я., Ракитский Б. В.* Методология марксизма и историческое поприще ее плодотворности. М.: Институт перспектив и проблем страны. 1998; *Черняховский С. Ф.* Противоречивость коммунистической оппозиции в современной России. М.: Изд-во МНЭПУ, 2003.

⁵ См., в частности: *Чураков Д. О.* Бунтующие пролетарии: Рабочий протест в Советской России. 1917-1930 годы. М.: Вече, 2007; *Чураков Д. О.* Русская революция и рабочее самоуправление. 1917. М.: АИРО – XX, 1998; *Логинов В. Т.* Неизвестный Ленин. М.: Эксмо, Алгоритм, 2010; *Гусев А. В.* Левокоммунистическая оппозиция в СССР в конце 20-х годов // *Отечественная история*. 1996. № 1. С. 85-103; *Гусев А. В.* Левокоммунистическая оппозиция в СССР в первой половине 30-х годов // *Политические партии России. Страницы истории*. М., 2000.

⁶ В данном случае хотелось бы назвать, прежде всего, работы *Р. И. Косолапова* (обратим внимание на серию статей этого автора, опубликованных в конце 2007 – начале 2008 г. в «Экономической и философской газете»; см. также: *Косолапов Р. И.* Спасибо – не надо! Марксизм: прошлое, настоящее, будущее. М., 2003; *Он же.* Истина из России. М., 2004; и др.) и сборники материалов конференций по проблемам марксизма, вот уже много лет выходящие под редакцией *Д. В. Джохадзе*. Весьма интересен один из них – «Марксизм и будущее цивилизации». М., 2006. См. также: *Сапрыкин В. А.* Антикоммунизм, оппортунизм, контрреволюция. М., 2007. Есть немало других авторов, принадлежащих к данному течению. Прежде всего, это ученые, включенные в организацию «Российские ученые социалистической ориентации».

Среди политико-экономов, тяготеющих к этому направлению, особо хотелось бы подчеркнуть важность работ *В. Н. Черковца*, *Р. Т. Зяблюк* и их коллег в серии книг «Капитал» и *economics*», шесть выпусков которых вышли в Москве с 2002 по 2013 гг.

мыслителя, то окажется, что круг критических сторонников Маркса в России в то же весьма разнороден, хотя и имеет свои генетически-общие *differentiae specificae*.

В этом спектре выделяется *постсоветская школа критического марксизма*, к кругу представителей которой относят себя и авторы этого текста.

Постсоветская школа критического марксизма

Взгляды представителей этого течения, при всех различиях его представителей, в некотором смысле перпендикулярны традиционной стратификации левых теоретиков. Мы заявляем себя как те, кто стремится к *диалектическому снятию-развитию методологии и теории Карла Маркса*. Мы критически относимся к социал-демократическому реформизму, но при этом акцентируем не только реактуализацию классических идей Маркса, но и их позитивное отрицание, критику и диалектическое развитие. Наша школа сформировалась вокруг трех проектов: журнала «Альтернативы» (он регулярно выходит с 1991 г.), профессорского семинара, работающего вот уже более 15 лет в диалоге с комитетом по Образованию Государственной Думы, и созданного в 2007 г. Интернет-института «Социализм-XXI».

Характеризуя наше направление мы хотели бы обратить внимание на серию вышедших в последнее десятилетие работ, многие авторы которых относят себя к постсоветской школе критического марксизма¹. В целом к этой серии принадлежат тексты более 20 известных отечественных философов, представляющих ряд институтов Российской академии наук, МГУ им. М.В.Ломоносова и многие другие научные центры². При

¹ К этим работам относятся, в частности, такие книги как «Критический марксизм: русские дискуссии» (М., 1999); «Критический марксизм: продолжение дискуссий» (М., 2001), «Социализм-21. 14 текстов постсоветской школы критического марксизма» (М.: Культурная революция, 2009), «Марксизм: альтернативы XXI века (Дебаты постсоветской школы критического марксизма)» (М.: ЛЕНАНД, 2009), «Кто сегодня творит историю. Альтерглобализм и Россия» (М.: Культурная революция, 2010; второе – существенно переработанное издание – 2012), «Социалистический идеал и реальный социализм: Ленин, Троцкий, Сталин» (М.: Ленанд, 2011); «Капиталистическая реставрация и социалистические преобразования» (М.: Культурная революция, 2013) и др. Особенно в этом ряду хотелось бы выделить книгу «**Социализм-21....**», где сконцентрированы основные положения ключевых авторов, принадлежащих к нашему течению или близких к нему по духу. В последние годы вышли также книги: «СССР. Незавершенный проект» (Под ред. А. В. Бузгалина. М.: УРСС, 2012), «Дорога к свободе: критический марксизм о теории и практике социального освобождения» (Под ред. Б. Ф. Славина. М.: УРСС, 2013), «Либерализм и социализм: Запад и Россия. К 200-летию со дня рождения А. И. Герцена» (Под ред. М. И. Воейкова. М.: УРСС, 2013), «Культура. Власть. Социализм: противоречия и вызовы культурных практик СССР. Луначарский и не только» (Под ред. Л. А. Булавки, М.: УРСС, 2013), «Политэкономия провала: природа и последствия рыночных «реформ» в России» (Под ред. А. И. Колганова, М.: УРСС, 2013) и др..

² Среди основных работ представителей нашей школы следует назвать также ряд **авторских публикаций**. Среди них: Предисловие и комментарии *Г. А. Багатурия* к работе «Маркс К., Энгельс Ф. Первая программа Союза коммунистов «Манифест коммунистической партии» в контексте истории» (М.: ВИУ, 2007); монографии Л. А. Булавки «Феномен советской культуры» (М., 2008), «Социалистический реализм. Превратности метода» (М.: Культурная революция, 2007), «Нонконформизм» (М., 2002); *М. И. Воейкова* «Споры о социализме» (М., 2001), «Политико-экономические эссе» (М., 2004), «Предопределенность социально-экономической стратегии. Дилемма Ленина» (М.: ЛИБРОКОМ, 2009), «За критический марксизм: полемика с учеными» (М., 2011); *Л. Г. Истягина* «Пацифизм и социализм» (в кн.: Социализм-21. 14 текстов постсоветской школы критического марксизма / Под ред. А. В. Бузгалина, В. Н. Миронова. М.: Культурная революция, 2009); *Б. Ф. Славина* «Социализм и Россия» (М., 2004), «О социальном идеале Маркса» (М., 2004), «Идеология возвращается» (М., 2009), «Марксизм: испытание будущим» (М., 2014); *О. Н. Смолина* «Излом: иное было дано? Проблемы революции, демократии и образовательной политики в социально-политическом процессе 90-х годов» (М.: ООО «ИПТК «Логос» ВОС», 2001) и др.

Кроме того, мы хотели бы подчеркнуть тесную связь наших современных исследований с работами тех наших коллег, с кем вместе мы начинали этот проект, и кого уже нет с нами: крупнейшего советского и постсоветского знатока современного западного марксизма М. Н. Грецкого и выдающегося философа культуры Н. С. Злобина. См.: *Богданов Б. В., Грецкий М. Н., Ярецев Б. К.* Был ли у России выбор? М.: РАН, 1996; *Грецкий М. Н.* Неомарксизм и проблемы социологии культуры. М., 1980; *Грецкий М. Н.* Как защитить незащитимое? (Кое-что о трудах Александра Н. Яковлева) // Альтернативы. 1996. № 2; *Злобин Н. С.* Культура и общественный прогресс. М.: Наука, 1980; *Злобин Н. С.* Культурные смыслы науки. М.: Институт культурологии РАН, 1997.

На границе нашей школы, частью принадлежа к ней, частью выходя за ее рамки, лежат работы *Г. Г. Водолозова* «Идеалы и идолы» (М.: Культурная революция, 2006) и «Уроки творчества, нравственности и свободы» (М.: РГГУ, 2010), *С. С. Дзарасова* («Капитал и экономический рост». М., 2004); *В. М. Межуева* («Маркс против марксизма». М., 2007) и др.

этом наше течение далеко не однородно. Более того, не всех авторов упомянутых выше книг можно отнести к постсоветской школе критического марксизма. Некоторые из нас (Г. Водолазов, С. Дзарасов, Р. Дзарасов и др.¹) акцентируют своеобычность позиции, предпочитают не использовать самоназваний, не причислять себя к какому-то особому направлению, течению, школе. Однако и они близки к нашей школе, ибо в их работах с большей или меньшей долей приближения сохраняются те границы теоретического поля, которые в принципе характерны для всех нас.

Говоря о *differentia specifica* нашего течения, следует подчеркнуть, что мы все базируемся на определенном наследии, которое и сделало нас теми, кто мы есть. И для нас в этом наследии, прежде всего, важен К. Маркс, на работах которого мы все выросли. В отличие от догматического советского (и не только) «марксизма» мы исходим из того, что критика К. Маркса и его сподвижников, развитие этого блока идей через их существенное обогащение и изменение в соответствии с изменяющейся реальностью, и делает нас не просто марксистами, но марксистами *критическими*, не боящимися подвергать сомнению все, с чем они сталкиваются в своей общественно-теоретической практике.

Гораздо сложнее определить отношение различных критических последователей Маркса в России XXI века к наиболее известным последователям К. Маркса прошлого столетия. Одни из нас будут тяготеть к теоретическим работам В. Ульянова-Ленина, другие – Н. Бухарина, третьи – Л. Троцкого. Но ни один из нас не берет на веру в качестве догмы работы того или иного представителя из плеяды «пост-марксовых» марксистов.

Есть, однако, круг ученых XX века, чьи труды стали едва ли не наиболее значимыми для нас. Это такие ученые, как Антонио Грамши, Дьердь Лукач, Михаил Лифшиц, Эвальд Ильенков, Жан-Поль Сартр, Эрих Фромм и многие другие представители творческого гуманистического марксизма (и не вполне марксизма) прошлого века. При этом почти все мы оказались достаточно далеки от аналитического марксизма, несколько ближе к школе «Праксиса», выборочно склонны к диалогу с левым постмодернизмом, в большинстве относясь к нему критически, но не критикански. Столь же ограниченным является наш диалог и с теоретиками западной социал-демократии.

Гораздо ближе нам работы теоретиков новых социальных движений, эко-социализма, левые исследователи постиндустриальных тенденций (В. Хауг²) и глобальных проблем, современные ученые, близкие к троцкистской (Д. Бенсаид³) и еврокоммунистической (теоретики, кооперирующиеся с такими сетями и журналами как Transform, Historical materialism, Science & Society) тенденциям. Перекликается наш подход и с разработками американского внепартийного марксизма 50-х – 70-х гг. XX в. и некоторыми идеями Франкфуртской школы.

Что же касается основных положений, по которым мы спорим, размышляя о возможности и необходимости позитивной критики Маркса, то здесь все еще сложнее. И это неслучайно: *мы ищем новые решения старых и новых проблем*. Ищем по-разному, исходя из традиций и наследия разных наук и течений, еще не обретая окончательных общепринятых (хотя бы в своей среде) формул. Однако, и здесь есть некоторые достаточно значимые инварианты.

Во-первых, мы в подавляющем большинстве последовательно исходим из положения Маркса о том, что капиталистическая система вообще (и, добавим, современный глобальный капитал, в частности) – это исторически-ограниченная система. Она принесла человечеству и многие достижения, и многие преступления, но чем далее, тем более она развивается по все более опасной и в конечном итоге тупиковой траектории, в общем и целом уже выполнив свою прогрессивную историческую миссию.

Во-вторых, мы считаем закономерно-возможным развитие Человечества и, в частности, России, по социалистической траектории, предполагающей качественный скачок на пути эмансипации человека от власти отчужденных общественных сил, и экономического, и внеэкономического принуждения, освобождения

Кроме того, в различных регионах России также есть немало ученых, работающих в тесном диалоге с нашей школой: И. Абрамсон, Д. Воронин, И. Готлиб, В. Корняков, Н. Хлыстова, А. Штырбул и др.

¹ Кроме названных выше работ Г. Г. Водолазова здесь следует выделить принципиально значимые для современного российского марксизма работы С. С. и Р. С. Дзарасовых, написанные на стыке марксистской политической экономики и посткейнсианства. См.: Дзарасов С. С. Куда Кейнс зовет Россию? М., 2012; Теория капитала и экономического роста / Под ред. С. С. Дзарасова. М.: Изд-во МГУ, 2004; Дзарасов Р. С., Новоженев Д. В. Крупный бизнес и накопление капитала в современной России. М.: Едиториал УРСС, 2005

² Haug W. F. High-Tech-Kapitalismus. Analysen zu Produktionsweise, Arbeit, Sexualität, Krieg und Hegemonie, 2003; Haug W. F. Hightech-Kapitalismus in der großen Krise, 2012; Хауг В. Глобализация, хайтек-капитализм и будущее марксизма // Альтернативы. 2008. № 3. С. 4-20.

³ Бенсаид Д. Маркс [Инструкция по применению], М.: Институт общегуманитарных исследований, 2012.

от власти и капитала, и неподконтрольной человеку политической власти. Социалистическая траектория развития (для автора этого текста – более определенно: генезис коммунистического общества, для других авторов – менее жестко: прогресс реального гуманизма, социализма как мира культуры) в рамках нашего течения определяется как снятие и капитализма, и «царства необходимости» в целом.

Заметим в этой связи, что в России в среде критических последователей Маркса уже давно стало очевидным, что речь может и должна идти не об уничтожении, а о *снятии* прежних систем, т. е. об отрицании и одновременном наследовании их достижений, развитии прогрессивных тенденций. К последним относится, прежде всего, культура в самом широком смысле этого слова – от технологий до искусства; принципы «негативной свободы» (свободы «от» личной зависимости, политического диктата) и др.

Столь же общепринятым в нашем кругу является тезис о том, что общество будущего – это *снятие не только капитализма, но всех предшествующих отношений, основанных на социальном отчуждении*, включая рынок и товарный фетишизм, государство и иные формы политического отчуждения, сохраняющиеся формы личной зависимости и вновь развивающиеся имперские тенденции, религиозный фундаментализм и многие другие феномены, казалось бы, канувшие в лету в прошлом столетии.

Существенно, что ученые, о которых здесь идет речь, отнюдь *не идеализируют*, подобно некоторым российским (и не только) ортодоксальным защитникам Маркса, «реальный социализм». При этом вопрос о природе этого общества является сугубо дискуссионным в нашей среде. Пожалуй, единственное, в чем мы солидарны – это признание того, что, с одной стороны, эта система была первой столь масштабной попыткой продвижения к некапиталистическому обществу. С ее развитием связаны многие достижения человечества (а не только нашей страны) в социальной и культурной областях. С другой стороны, мы все подчеркиваем, что этот опыт был и глубоко трагичен. Во многих своих проявлениях и основах «реальный социализм» был далек от тех принципов даже начальной стадии «царства свободы», которые были не только предсказаны, но и обоснованы в социалистической теории (прежде всего, речь идет о социализме как системе социально более эффективной, демократичной и гуманной, нежели капиталистическая).

Что касается *конкретной оценки природы «реального социализма»*, то в кругу критических последователей Маркса в России, как и в мире, достаточно четко прослеживается три течения.

Первое – группа ученых, считающих, что при всех позитивных и культурных достижениях СССР и других стран «реального социализма», они по своей сути были системами, основанными на отчуждении большинства граждан от собственности и власти, и потому не могут быть квалифицированы как социализм (Г. Водолазов, М. Воейков, В. Межуев). При этом четких последователей Э. Мандела или Т. Клиффа среди известных теоретиков России найти сложно.

Вторая группа (А. Пригарин, Б. Славин) склоняется к тому, что при всех противоречиях, характерных для той системы, в ней господствовали отношения раннего социализма, что доказывается ссылками на действительные пост-капиталистические социальные формы, ценности и мотивы человека, прогресс общественных форм образования, науки, культуры.

Наконец, автор этого текста предлагает и аргументирует гипотезу о «реальном социализме» как опережающей мутации процесса генезиса «царства свободы», где ростки нового мира (пространства-времени неотчужденных социальных и культурных форм) претерпели вследствие объективно неблагоприятных условий генезиса и субъективных деформаций («сталинщина») существенные бюрократические мутации.

В-третьих, для нас достаточно очевидно, что *позитивно снимающий капитализм социум будет базироваться на преимущественно творческой деятельности*, развиваясь прежде всего в пространстве креатосферы, сферы со-творчества. Здесь тоже, однако, есть существенные разногласия. Так, В. Межуев, будучи по генезису представителем марксистов-шестидесятников, прямо пишет, что социализм – это пространство культуры. Л. Булавка в данном случае говорит, развивая идеи К. Либкнехта («коммунизм = культура»), о новом коммунистическом обществе¹. Для М. Воейкова, Б. Славина, О. Смолина и др. речь идет о социализме как новом социальном строе. Для автора этих строк ближе марксово понятие «царство свободы» (являющееся для нас синонимом коммунизма). При этом последняя группа авторов последовательно доказывает, что генезис «царства свободы» предполагает развитие пост-капиталистических социально-экономических и социально-политических отношений, а В. Межуев считает, что последовательное проведение в жизнь принципов социальной рыночной экономики и правового государства

¹ См., напр.: Булавка Л.А. «Пролетарские массы» и культура: преодоление отчуждения // Философские науки. 2013. № 12; Булавка Л. А. Творчество масс: опережение реальности // Ленин online: 13 профессоров о В. И. Ульянове-Ленине / Под общ. ред. А. В. Бузгалина, Л. А. Булавки, П. Линке. М.: ЛЕНАНД, 2011; Булавка Л. А. Ренессанс и Советская культура // Вопросы философии. 2006. № 12.

есть достаточное основание для развития свободного времени и пространства культуры как мира свободного (посткапиталистического и постэкономического) бытия человека. В любом случае, однако, речь идет о продвижении к миру, снимающему капитализм и преодолевающему узкие горизонты индустриальной системы, о «постиндустриальном социализме», если угодно.

При этом, однако, критические сторонники Маркса в России далеки от активно и справедливо критикуемой последние десятилетия на Западе идеи отождествления современной модели развития постиндустриальных тенденций в странах «золотого миллиарда», с одной стороны, и социализма будущего – с другой. Одна из причин такого «разведения» в том, что первые, на наш взгляд, идут в тупиковом направлении «общества пресыщения» и новой глобальной протоимперии; сверхзадача второго – качественно изменить траекторию развития новых технологий, отношений, институтов.

На этом основании практически все российские сторонники рассматриваемой нами версии диалектического развития идей Маркса показывают в своих работах, почему социалистическая траектория есть не только процесс развития личностных качеств, снятия различных форм социального отчуждения (прежде всего – но не только – эксплуатации), но и формирование таких необходимых для этого предпосылок, как основанная на приоритетных полномочиях гражданского общества демократия (с переходом к *базисной, низовой демократии, демократии участия*), безусловное соблюдение социальных и гражданских прав человека и т. п. И все это для представителей данного течения в России – лишь начало движения к новому, пока еще не ясному в деталях всестороннему самоуправлению открытых добровольных ассоциаций. Очевидным в нашей стране для последователей Маркса стало понимание того, что «строительство» социализма «сверху», при опоре на насилие – это путь в тупик.

В-четвертых, в некотором смысле критикуя преимущественно линейно-прогрессистскую модель Маркса, его российские ученики и критики доказывают: опыт XX века показал, что *движение по социалистической траектории есть долгий и нелинейный процесс* – процесс реформ и контрреформ, революций и контрреволюций, побед и поражений, успехов и отступлений, причем процесс *всемирный*, тесно взаимосвязанный во всех своих звеньях, *но одновременно и неравномерный*. В разных областях социального пространства (странах, регионах, международных сетях) он протекает сопряженно, но различно. Поэтому удел ближайшего времени – инициирование и поддержка первых ростков этого нового мира внутри прежней системы, развитие *переходных к социализму форм* в тех анклавах мирового сообщества (повторим: не только странах и регионах, но и в *сетях, мире культуры*), где сознательно ставятся задачи социалистического развития, борьба за иную – социально-, гуманистически- экологически-ориентированную, а перспективе – социалистически ориентированную – интеграцию. Подчеркнем: *разработка теории нелинейных социальных трансформаций и переходных отношений – одна из наиболее интересных и «продвинутых» сфер исследования российских критиков-наследников Маркса*

При всех этих общих посылах в рамках нашей школы имеются и *существенные расхождения по многим вопросам*.

Если начать с методологии, то одни из нас (в частности, автор этого текста, Л. Булавка, Б. Славин) отчетливо делают акцент на диалектике, другие не забывают и о некотором позитивном вкладе постмодернизма, третьи не акцентируют своих методологических пристрастий, тяготея к позитивизму.

Мы различаемся и по степени радикальности нашей критики существующей капиталистической системы. Кто-то из близких нам ученых вообще не акцентирует проблемы снятия капитализма и предпочитает говорить о будущем как о «реальном гуманизме» (Г. Водолазов). Для других социализм – это развитие «пространства культуры» вплоть до превращения его в доминирующую сферу общественной жизни при некотором реформировании существующего типа экономической и политической систем, сохранении основ рынка и парламентской демократии (В. Межуев). Для третьих (в частности, автора этого текста) – это качественно новый мир, путь к которому лежит через социальную революцию.

Наконец, заметим, что наша школа развивается, и ее молодые представители несут свои новые идеи, о которых мы сможем с уверенностью говорить, как о новом слове в марксизме лишь через некоторый период времени¹.

¹ Работы ряда из них обобщены в монографиях: Критический марксизм. Поколение пехт. Новый взгляд на отчуждение, глобализацию и Россию / Под. ред. Г. Ш. Аитовой. М.: ЛЕНАНД, 2014; Критический марксизм: поколение пехт-II. Новый взгляд на методологию, постиндустриальное общество, социологию и практику / Под ред. Г.Ш. Аитовой, А.В. Бугзалина. М.: Культурная революция, 2014.

Суммируя, позволим себе краткий вывод: в России сложилось интеллектуальное течение, которое *делает акцент на понимании современной (в широком смысле слова, начиная с XX века) реальности как эпохи глобальных, качественных изменений в самих основах общественной жизни, создающих предпосылки для генезиса не только пост-капиталистического, но и постиндустриального, постэкономического общества («царства свободы»)*¹.

Такой подход позволяет нам рассмотреть современную социально-экономическую жизнь целостно, системно-диалектически, в контексте ее исторического развития. И важнейшей основой (но не догматическим каноном!) для такой работы служит классический марксизм.

И еще одна финальная ремарка. Многие из читателей, наверное, уже давно стремятся нам возразить, что немалое число из названных выше проблем давно и плодотворно развиваются исследователями, даже не помышляющими о марксизме.

Ответ наш будет удивительно прост: да, именно так и обстоит дело. И причина этого проста: подобно знаменитому герою Мольера, который всю жизнь говорил прозой, даже не помышляя об этом, *многие специалисты в области общественных наук вот уже более ста лет используют теорию и методологию марксизма, даже не зная, что те или иные положения, включенные в их научную деятельность, были выведены и доказаны Марксом, его коллегами и последователями*². Кто-то открывает велосипед заново (это типично для ряда не-марксистских ученых Запада, большинство из которых «Капитал» вообще не читало), кто-то просто забыл, чему его учили в молодости (последнее особенно типично для постсоветских ученых). Кто-то вообще никогда не задумывается, в рамках какой научной парадигмы он ведет свои исследования...

Но все они, так или иначе, реально работают в диалоге с марксизмом, даже если и не подозревают об этом. В принципе, это не так страшно, хотя бессознательное использование марксизма чревато упрощениями и вульгаризацией, а вот это уже губит науку. Посему хотелось бы, чтобы как можно больше ученых знало марксизм и сознательно применяло (или критиковало) его.

¹ Следует отметить, что для нас термин «постиндустриализм» означает не преимущественное развитие сферы услуг (трактовка Д. Белла и его коллег), в которой, в свою очередь, главенствующую роль играют финансовые спекуляции, посредничество и производство иных симулякров, а такой прогресс производительных сил, который приводит к потенциальной возможности и необходимости распространения массовой творческой деятельности (образования, науки и инженерного творчества, культуры, здравоохранения, рекреации общества и природы), и, соответственно, постиндустриальных технологических укладов, что позволяет радикально повысить производительность труда и существенно сократить (до 20-30% занятых) круг работников, занятых репродуктивным индустриальным трудом при сохранении количества и росте качества продуктов материального производства.

² Отметим и еще одну «деталь»: марксистская теория есть плоть от плоти всей классической общественной теории и является важнейшим направлением ее критического развития. Поэтому, развивая марксизм, мы развиваем и классику, реактуализируя ее для XXI века.

Глава 2. Реактуализация марксизма: старые вопросы и старые ответы остаются в определенной мере актуальными

Начало XXI века, как мы уже отметили, ознаменовалось в России и за ее пределами новой волной дискуссий вокруг идейного наследия Маркса и практической реализации его идей.

Причин этому несколько. Во-первых, и в нашем Отечестве, и в других странах нарастает разочарование в либеральной теории. Предсказания четвертьвековой давности – конца истории и идеологий, классового мира, всеобщего демократического процветания и торжества прав человека – явно не сбываются. США (и кое-кто в нашей стране) все больше мечтают о новой империи. Войны остаются правилом. Глобальные проблемы и не думают уходить в прошлое. И главное: люди мучительно ищут общественный идеал, который бы хоть немного отличался от людоедского: делайте деньги и конкурируйте!

И тут «вдруг» вспоминается Карл Маркс с его обоснованием возможности движения к миру, в котором «свободное развитие каждого есть условие свободного развития всех». И еще с добавлением: свобода – это не только формальное право полунницей пенсионерки и олигарха проголосовать за того или иного пропиааренного кандидата, но и реальная экономическая и социально-политическая возможность развить и реализовать все заложенные в тебе таланты, обеспечить прогресс своих человеческих качеств в диалоге, а не конфликте с другими.

Как тут не задуматься: а реально ли это в XXI веке?

Но тут приходит скептик-либерал и говорит: «Хватит!»

Хватит кровавых экспериментов в духе Мао, Пол Пота, Сталина и К°. Давайте жить как в «цивилизованном мире». А Маркс – это осколок прошлого, который интересен разве что с точки зрения истории социально-философской и экономической мысли.

Ну, насчет «вхождения в цивилизацию» – это мы уже знаем. Мы в России в нее уже вошли. Кому-то там действительно сытно и богато. Кому-то только сытно. Кому-то по-прежнему голодно. Но при этом большинству – неустойчиво. Неуютно. Жестко. Недушевно. Малокультурно. Зло. Нервно...

* * *

Впрочем, эмоции здесь не причем, и мы оставим их в стороне. Давайте посмотрим на традиционные аргументы антимарксистов, доказывающих, что Маркс почти во всем ошибся.

Воспроизведем традиционный перечень упреков, оговорившись: автор вместе со своим постоянным соавтором и дискуссантом профессором А. Колгановым впервые столкнулись с этой критикой в далеко не лучшем советском учебнике по критике буржуазных идей. Там было сказано, что западные марксологи критикуют марксизм за то-то и то-то. Будучи студентами, мы тогда удивились: неужели эта критика, действительно, столь плоска? Спустя тридцать лет, в постоянной полемике с антимарксистами в России, США и многих других странах мира мы убедились, что учебник был прав... Итак, **аргументы критиков марксизма.**

По Марксу пролетариат должен был нищать, а он стал жить намного лучше. По Марксу пролетариат есть эксплуатируемый революционный класс, а на самом деле он поддерживает капиталистические системы. По Марксу производство должно было становиться все более концентрированным, а оно становится все более разнообразным и малый бизнес прогрессирует. По Марксу частная собственность должна быть уничтожена, а она везде процветает, захватывая все новые сферы. Классики предсказывали, что на смену капитализму должен был прийти социализм, причем революционным путем, а сами революции должны были свершиться в наиболее развитых странах; на самом же деле они произошли в странах слаборазвитых, где новые режимы продержались несколько десятков лет и рухнули. Ну, и, наконец, по Марксу социалистическое общество должно было дать рост свободы и благосостояния, а в СССР мы жили в стране ГУЛАГа и дефицита колбасы...¹

¹ Такого рода подходы достаточно концентрированно выражены, например, в статье: Кудров В. К современной научной оценке экономической теории Маркса-Энгельса-Ленина // Вопросы экономики. 2004. № 12.

На первый взгляд, все эти упреки обоснованы. И действительно, в некоторой своей части они резонны. Для того, чтобы отделить хулу от содержательной критики разберемся с предпосылками анализа.

Начнем с жесткого тезиса: *вне реактуализации, в ее классически-чистом виде теория Карла Маркса (но не весь марксизм как всемирное течение, которому уже более полутора столетий) сегодня имеет достаточно ограниченную, хотя и далеко не нулевую актуальность*. Реактуализация необходима, и она в значительной степени уже проведена марксистами. Здесь, правда, есть некий «нюанс»: реактуализация методологии и теории марксизма может развертываться только при условии:

(1) критики догматического марксизма прошлого века, превратившего работы Маркса в Библию, к тому же истолкованную инквизиторами для своих нужд;

(2) критики не менее догматического анти-марксизма, построенного на принципе зряшного отрицания и пропагандистской хулы и служащего тем же политико-пропагандистским целям догматиков, только принадлежащих к противоположному лагерю;

(3) учета той огромной работы по развитию идей Карла Маркса применительно к новым реалиям, что была проделана и продолжается и в мире, и в России.

Однако мы можем зафиксировать ряд аспектов актуальности работ самого Маркса, даже если мы на время абстрагируемся от развития идей марксизма на протяжении вот уже более 150 лет.

Маркс исследовал законы классического индустриального капитализма. Не так ли?

Марксистам (в отличие от их критиков) хорошо известно, что Карл Маркс не строил прогнозов и не создавал символов веры. Если кто-то из него сделал пародию на религию, то это уже не Маркс... (насколько Маркс ответственен за последующие пародии на марксизм – тема особая; автор с коллегами-единомышленниками не раз к ней обращался ранее и здесь не будет на этом останавливаться). Карл Маркс, его коллеги и последователи исследовали законы жизни общества и формулировали эти законы, при этом многократно предупреждая: социальные процессы отличны от природных. Здесь действует множество разных факторов. Исследователь может показать закономерности действия ряда из них и доказать, что именно эти факторы в некоторых определенных условиях действуют именно таким образом. Но не более того. Никаких «железных» законов Маркс не выводил.

Далее. В *«Капитале»* Маркс исследовал индустриальный классический капитализм и показал, что для него характерны некоторые социально-экономические закономерности. Давайте их рассмотрим, выясним, актуальны ли они сегодня¹, и тем самым («заодно») ответим на большую часть «критики» в адрес марксизма.

Начнем с *теории товарного производства* («рынка»), которую часто сводят исключительно к трудовой теории стоимости. Развивая идеи Смита и Рикардо (на что он сам прямо указывал), Маркс показал, что капиталистическая система в исходной своей определенности есть товарное производство. В основе последнего лежат обособленность производителей и общественное разделение труда. Соответственно, там, где производители будут обособлены, а разделение труда будет развиваться, будет (при прочих равных условиях) прогрессировать рынок. Там, где их будут ограничивать, рынок будет хиреть. Где здесь ошибка?

Далее, Маркс показал (и здесь, в отличие от предыдущего пункта², он существенно отличен от нынешних либеральных экономистов), что рынок – это *исторически ограниченная* система общественных отношений людей, а не некий «естественный» и вечный «механизм» взаимодействия максимизирующих свою полезность агентов и обмена информацией в экономике. В частности, он показал, где, когда и почему рынок возник; где, когда и почему (вследствие развития общественного регулирования – «контроля ассоциированных производителей за общественным производством» – раз; прогресса всеобщего творческого труда, создающего общественные блага, – два...) он будет снят новой системой организации хозяйства. Что здесь ошибочного?

¹ Актуальность марксизма для понимания современного капитализма показана, например, в давней, но не утратившей значения, статье: Стоун Р. Почему марксизм жив? Потому что жив капитализм // Альтернативы. 1998. № 3.

² Д. Харви – один из наиболее известных и авторитетных западных ученых, придерживающихся марксистского метода, пишет об удивлении студентов, когда они в процессе изучения «Капитала» узнают, что К. Маркс разделял понимание абстрактного рынка, данное А. Смитом (см.: Харви Д. Мне хотелось бы разобраться в том, что происходит сегодня, ведь мир изменился // Альтернативы. 2013. № 4).

Более того, Маркс доказал, что человек не всегда стремился и не всегда будет стремиться прежде всего к максимизации денег и минимизации труда. Вне рыночной системы, при господстве других общественных отношений человек ведет себя иначе. А вот в условиях господства рынка и капитала, действительно, человеческие качества, ценности, мотивы начинают подчиняться власти товаров и денег. Есть у тебя Мерседес-600 – ты «крутой» (престижный, умный, талантливый) человек, нет – «лох» (не уважаем, не умен, не талантлив и т. п.). В соответствии со строгой рыночной меркой (измерением человеческих качеств в деньгах) работающий в деревне учитель-энтузиаст в миллионы раз менее эффективен, чем нувориш, а любой олигарх в тысячи раз талантливее нобелевского лауреата. Так рынок переворачивает с ног на голову человеческие отношения, наводя мороки товарного и денежного фетишизма¹. Прав ли Маркс в том, что именно так обстоит дело в условиях товарного производства?

Заставшие советские идеалы люди на протяжении постсоветских десятилетий убедились в справедливости закона, в соответствии с которым иная общественно-экономическая система рождает иные ценности и мотивы, иной тип человека. Брачные контракты, когда от жены (мужа) ждут, прежде всего, делового партнерства в области получения и использования дохода и собственности; ожидание смерти родителей (чтобы, наконец, получить их наследство); отношение к детям как к выгодному вложению капитала с целью обеспечения старости – все это казалось бредом для большинства наших сограждан еще двадцать-тридцать лет назад и все это стало нормой для большинства молодых (и не только) людей сейчас. Мы не оцениваем эти изменения. Мы только фиксируем: Маркс был прав, когда показал, как и почему это происходит.

Впрочем, Маркс показал и другое – то, что включаясь в неотчужденные отношения со-творчества и солидарности, люди обретают другие интересы и ценности. И это подтвердила практика, в частности, опыт стран «реального социализма». Да, в СССР был ГУЛАГ. Но было и много чего другого. Были миллионы молодых людей, бредивших в 1960-е поэзией и космосом, физикой и открытием новых земель. Было нормальным полупрезрительное отношение к тем, для кого главное в жизни – деньги (автор и сейчас знает, хотя бы по кругу своих товарищей, сотни людей, включенных в деятельность экологических организаций и профсоюзов, движение «Образование для всех» и правозащитные НПО, для которых главное в жизни – изменение к лучшему природы и общества в нашей стране и не только. Это обычные люди. Но иная деятельность и иные отношения общения рождают у них другие – пострыночные ценности и мотивы).

Так ошибался ли Маркс, показав, что рынок, а не «естественная природа человека», рождает страсть к деньгам и что пострыночные отношения развивают другие ценности и мотивы, другой тип личности?

¹ «...Таинственность товарной формы состоит просто в том, что она является зеркалом, которое отражает людям общественный характер их собственного труда как вещный характер самих продуктов труда, как общественные свойства данных вещей, присущие им от природы; поэтому и общественное отношение производителей к совокупному труду представляется им находящимся вне их общественным отношением вещей» (Маркс К. Капитал. Т. I. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 23. С. 82).

Что касается денежного фетишизма, то его проявления прекрасно отражены еще в античной и средневековой литературе:

«Золото! Металл
Сверкающий, красивый, драгоценный...
Тут золота довольно для того,
Чтоб сделать все чернейшее – белейшим,
Все гнусное – прекрасным, всякий грех –
Правдивостью, все низкое – высоким, трусливого – отважным храбрецом,
А старика – и молодым и свежим!»
(Шекспир, «Жизнь Тимона Афинского»)

«Ведь нет у смертных ничего на свете,
Что хуже денег. Грода они
Крушат, из дому выгоняют граждан,
И учат благородные сердца
Бесстыдные поступки совершать,
И указуют людям, как злодейства
Творить, толкая их к делам безбожным»
(Софокл, «Антигона»)

Цит. по: Маркс К. Капитал. Т. I. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 23. С. 143.

Прежде чем продолжить наш анализ достижений Маркса заметим: в *«Капитале» впервые сформулированы многие тезисы, которые затем (и без отсылок к оригиналу) были включены в современные учебники «Economics» и др. работы, принадлежащие к mainstream'у.* Так, знаменитое «уравнение Фишера», указывающее на определение количества денег в обращении, было задолго до него, точнее и более подробно, обосновано в 3 главе I тома «Капитала». То же можно сказать об «открытом» Шумпетером стремлении предпринимателя к инновациям, на самом деле повторяющем в апологетической форме обоснованный Марксом в том же I томе «Капитала» вывод о стремлении капитала к научно-техническому прогрессу и иным средствам повышения производительности труда, что, как известно, является главным источником извлечения относительной прибавочной стоимости. Марксом же раскрыты многие компоненты теории прибыли и средней прибыли, которые он рассматривал как превратные формы, а нынешние теоретики воспроизводят как содержание рыночной экономики...

Но это не столь важно.

Важнее другое. Маркс доказал, что при прочих равных условиях (эта оговорка важна: экономика развивается не в безвоздушном пространстве; и политика, и идеология, и т. п. факторы могут тормозить или ускорять те или иные экономические процессы) развитие рынка ведет к дифференциации его агентов. Одни богатеют и превращаются в собственников капитала. Другие беднеют, лишаются собственности и превращаются в наемных работников, единственной предназначенной на продажу собственностью которых является их рабочая сила. В постсоветской России этот закон проявил себя во всей своей красе, превратив в течение едва ли десяти лет меньшинство из тех, кто начинал частный бизнес, в буржуа, большинство – в наемных работников.

Перейдем к одному из важнейших вопросов об *эксплуатации*. Здесь идет долгий, более века не прекращающийся спор между марксистами и представителями теории факторов производства (позднее – предельной производительности). Последние, как известно, доказывают, что прибыль создает сам по себе капитал, а не прибавочный труд наемного работника, безвозмездно присваиваемый собственником средств производства. Этот спор носит сугубо теоретический характер и аргументы сторон весьма серьезны; этот текст посвящен другим проблемам и потому здесь мы откажемся от их воспроизведения. Но вот что характерно: на практике капиталисты, а не только наемные работники, взаимодействуя друг с другом, прекрасно отдают себе отчет в том, что их интересы фундаментально противоположны. Начинается все с того, что капитал всемерно стремится удлинить рабочий день, а рабочие его сократить, капитал стремится сократить заработную плату и увеличить прибыль, наемные рабочие – наоборот; дальше – больше: создав профсоюзы и политические организации (социал-демократические, впоследствии социалистические и коммунистические партии) класс наемных работников стал добиваться существенного перераспределения прибыли в свою пользу. Простейший пример этого – прогрессивный подоходный налог.

Так вот, *там и в той мере, где экономическая и политическая борьба наемных работников и представляющих их общественно-политических структур активна и успешна, там и в этой мере происходит сокращение рабочего дня, увеличение зарплаты, ограничение доходов богатейшей части населения, рост социальных трансфертов и т. п.* Как только и в той мере, в какой эта борьба ослабляется (а это было типично, например, для нашей страны первых после распада СССР двадцати лет), начинается обратный процесс. Последний, в частности, характеризовался тем, что в конце XX века многие страны столкнулись с процессом относительного (а в ряде случаев – например, в США 1990-х гг. – и абсолютного) сокращения реальной заработной платы, социальных трансфертов и т. п.

В этом контексте будет уместно вспомнить про *обнищание пролетариата*. Эта идея принадлежит не Марксу. Маркс ее развил, показав закономерность относительного обнищания (когда прибавочная стоимость растет быстрее, чем заработная плата) и указав на закономерность: в условиях индустриального капитализма, при абстрагировании от социально-классовой борьбы пролетариата и других противодействующих факторов, не рассматриваемых в «Капитале», для капиталистической системы в целом характерна тенденция к и относительному, и абсолютному обнищанию пролетариата. То, как и почему эта тенденция в большинстве развитых стран себя исчерпала, марксисты показали более столетия назад, указав на возникшую более века назад и усилившуюся в дальнейшем систему противодействующих факторов, подробно описанных в любом толковом учебнике¹. О последнем обстоятельстве критики марксизма в

¹О периоде абсолютного сокращения зарплаты в США см.: *Kotz D. M. Contemporary Capitalism and its Crises: Social Structure of Accumulation Theory for the Twenty-First Century*, edited volume with Terrence McDonough and Michael Reich, Cambridge and New York: Cambridge University Press, 2010. О факторах, противодействующих ухудшению положения пролетариата, см.: *Курс политической экономии*. В 2-х т. Т. I. Под ред. Н. А. Цаголова. Изд. 3-е, перераб. и доп. М.: Экономика, 1973. С. 277-280, 308-311.

большинстве либо не знают, либо «забывают» упомянуть. Но вот что важно: открытая Марксом закономерность увеличения богатства капитала за счет заработной платы наемных работников в условиях *классической индустриальной* капиталистической экономики действует. Ей могут противостоять и противостоят показанные теми же марксистами на основе работ того же Маркса другие закономерности. Переход к высоким технологиям и творческой деятельности, превращающим частичного работника, выполнявшего роль придатка станка или конвейера, в высокообразованного человека-креатора – раз. Мощные волны антикапиталистической оппозиции (от профсоюзов и левых партий, народных фронтов и примеров «Мировой социалистической системы», до социально-ориентированной активности тысяч неправительственных организаций, социальных движений и других институтов гражданского общества, защищающих гражданские и социальные права человека) – два... Перечень можно продолжить.

Важен вывод: *благосостояние части мирового рабочего класса* (в развитых и ряде развивающихся стран) за полтора столетия, прошедшие со времени написания «Капитала», действительно, в среднем росло, хотя и медленнее, чем совокупное богатство капитала. Но росли доходы класса наемных работников не благодаря доброй воле и благородству буржуазии, а вследствие усиления роли антикапиталистических акторов, классово и социальной борьбы, теория которой была развита (хотя и не открыта – об этом писал сам Маркс¹) марксистами.

И еще одна важная «деталь»: в условиях господства типичных для неолиберального этапа позднего капитализма тенденций десоциализации и относительного ослабления давления на капитал со стороны наемных рабочих и их организаций *сократилась роль противодействующих закону капиталистического накопления факторов, и он вновь начал действовать*: реальная почасовая заработная плата наемных работников в развитых странах на протяжении последних 30-ти лет практически не росла, тогда как рост богатства в руках капитала продолжался и даже ускорился².

Кстати, о теории *классовой борьбы*. Маркс и его последователи отнюдь не считали ее универсальным объясняющим фактором человеческого развития. Такую роль ей отвели догматики сталинских времен и поверившие их трактовке марксизма (и влюбившиеся именно в эту их трактовку) либеральные советологи и марксологи. Маркс же и творческие марксисты многократно показывали, что это – не более (но и не менее), чем особая закономерность взаимодействия основных форм социальной общности, характерная для тех обществ, где производственные отношения приводят к формированию четко выделенных крупных общественных сил, занимающих различное (в том числе – противоположное) место в общественно-экономической жизни. Такое социальное структурирование характерно не для всех обществ, а для так называемой «экономической общественной формации». Тот же Маркс немало писал об иной специфике азиатских обществ и даже нашей родной России³. Так что, пожалуйста, не надо оглуплять Маркса и марксистов.

Перейдем к вопросу о *частной собственности*.

Первый том «Капитала», действительно, заканчивается знаменитыми словами: «Бьет час капиталистической частной собственности..., экспроприаторов экспроприруют». И действительно, марксисты подчеркивали, что суть их учения можно выразить тремя словами: «снятие частной собственности». Подчеркнем: *снятие*. Не уничтожение. Русский перевод прошлого века не случайно исказил смысл марксовской идеи. Для Маркса – и в этом суть его диалектической методологии – любое общественное явление должно развить в полной мере свой прогрессивный потенциал и только тогда, исчерпав его, сняться в новом отношении. При этом «снятие» для диалектика – это всегда отрицание с удержанием положительного. Сие азбука марксизма, который показал, где, почему, в каких отношениях и до какого

¹ Борьба работников за достойные условия труда и его оплаты неоднократно отмечается К. Марксом как фактор, противодействующий ухудшению положения работников. См.: Маркс К. Капитал. Т. I. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 23. С. 292-293, 568-569, 655.

² Обстоятельный анализ этого феномена применительно к США представлен в работе: Kotz D.M. The Rise and Fall of Neoliberal Capitalism. Harvard University Press. Cambridge, Massachusetts and London, England, 2015. См. также: Харви Д. Мне хотелось бы разобраться в том, что происходит сегодня, ведь мир изменился // Альтернативы. 2013. № 4; Бузгалин А. В. Рецензия на книгу Д. Котца «Взлет и падение неолиберального капитализма» // Вопросы политической экономики. 2015. № 4. С. 138–152.

³ См. следующие работы К. Маркса: Письмо в редакцию «Отечественных записок»; Письмо В. И. Засулич; наброски ответа на письмо В. И. Засулич (Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 19) и фрагмент «Формы, предшествующие капиталистическому производству» из «Экономических рукописей 1857–1859 годов» (Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 46, ч. I).

предела частная собственность была, есть и будет прогрессивным общественным отношением; где и почему она должна быть снята, подвергнута позитивной критике.

Как же Маркс видел это снятие?

Анализ классического индустриального капитализма показал, что для него характерно обобществление производства. Не просто концентрация и специализация, но обобществление – сложный процесс роста взаимозависимости отдельных технологических комплексов, разворачивающийся по мере прогресса общественного разделения труда. Этот прогресс приводит к тому, что, выражаясь современным языком, нерегулируемый, стихийный рынок, основанный на индивидуальной частной собственности, становится малоэффективен. И это в полной мере подтвердилось сначала в процессе развития ассоциированной собственности акционерных предприятий, затем в виде государственного ограничения и регулирования рынка.

Стало практикой капитализма и ассоциирование собственности в виде передачи части акций работникам предприятий, развития кооперативов¹, государственного сектора и т. п. О последнем заметим: он в развитых капиталистических странах много больше, чем принято думать. Традиционная статистика учитывает только государственные фирмы, чья доля в ВВП развитых стран действительно невелика. Но в общественной собственности находятся в большинстве случаев и иные – наиболее ценные – ресурсы современного мира: значительная часть недр, природные заповедники, значительная часть земельного фонда (особенно крайне дорогого городского), культурные ценности и информационные богатства, значительная часть учреждений культуры, образования и науки.

Последнее особенно важно: в общественной собственности сегодня находится едва ли не большая часть наиболее близкой к будущему постиндустриальной экономики, где занят преимущественно креативный класс. Если мы посмотрим на наиболее близкую к марковскому идеалу (из существующих в развитых странах) скандинавскую модель, то выяснится немало интересного. Например, в Финляндии практически все школы и большая часть университетов, большая часть учреждений здравоохранения и спорта, культуры и фундаментальной науки – все это общественный сектор, работающий на некоммерческих, т. е. нерыночных принципах. Более того, в этих странах через прогрессивный подоходный налог и другие каналы до половины прибыли капитала перераспределяется в пользу наемных работников².

Иными словами, в этих странах сделан целый ряд значимых шагов на пути к реализации той тенденции общественного развития, которую Карл Маркс выделил как возможный и закономерный путь прогресса. При этом Маркс не раз указывал, что на этом пути немало препятствий, что прогресс нелинеен и не идет сам по себе: там, где реализующие прогрессивные тенденции силы мощны, а реакционные слабы, он будет идти быстрее и эффективнее. Но возможна и обратная ситуация.

Марксисты всегда подчеркивали, что в истории есть объективные законы, но как именно, когда, какой ценой и какими методами, сколь скоро они реализуются – все это зависит от творящих историю людей. Так, с

¹ Анализ места и роли предприятий, находящихся в собственности работников, и кооперативов можно найти, в частности, в работах: *Боуман Э., Стоун Р.* Рабочая собственность (Мондрагонская модель): ловушка или путь в будущее? М.: Экономическая демократия, 1994; *Колганов А.* Коллективная собственность и коллективное предпринимательство. Опыт развитых капиталистических государств. (Серия «Третий путь»). М.: Экономическая демократия, 1993; *Рудьк Э.* Предприятия, управляемые трудом, в России: от формы к содержанию // *Альтернативы*. 2006. № 2; *Он же.* Трудящийся в управлении производством – творец или робот? (в лабиринтах современной советологии). М.: Наука, 1987.

² Отнюдь не идеализируя т. н. «скандинавскую модель» (которую мы критиковали и критикуем за то, что она остановилась на полпути в процессе социализации и потому в стратегическом смысле стагнирует – см., напр.: *Бузгалин А. В.* Будущее скандинавской модели (новый проект социально-ориентированного развития) // *Альтернативы*. 2011. № 1. С. 4–16), отметим, что развивающиеся в ее русле экономики имеют высокие достижения в сфере не только социальной справедливости, но и экономической эффективности. Так, Финляндия занимает 4-е место в мире по значению глобального инвестиционного индекса, 6-е место – по уровню развитости институциональной среды, 1-е место – по благоприятности политической среды (по степени свободы слова – 1-е место, по политической стабильности и по эффективности работы государственных органов – 2-е место). По степени верховенства закона Финляндия также является 1-ой в мире, по качеству работы бюрократического аппарата находится на 3-ем месте в мире. По уровню развития человеческого потенциала Финляндия занимает 3-е место в мире (по уровню сдачи теста PISA и по количеству человек, поступивших в высшие учебные заведения, находится на 3-ем месте, по количеству исследователей на миллион населения и по величине расходов на НИОКР в % от ВВП – на 2-ом месте в мире). Финляндия занимает высокие позиции и по эффективности креативной деятельности – 17-е место, и по использованию имеющихся ресурсов в сфере накопления знаний и технологий – 4-е место (1-е место по состоянию развития кластеров и по уровню экспорта в сфере компьютерных технологий и коммуникаций).

точки зрения Маркса переход от натурального хозяйства, крепостничества, абсолютной монархии, сословного неравенства и т. п. к рынку, наемному труду, демократии и соблюдению базовых прав человека есть историческая закономерность. Но он многократно писал и анализировал причины, по которым этот переход в одних странах произошел быстро, эффективно и еще в XVI веке, а в других не завершен и пятьсот лет спустя. Почему Англия заплатила за переход к капиталистической системе ценой огораживания, «кровавого законодательства», революций и войн; США – ценой войны против той же Англии за право строить капитализм, а не быть колонией, плюс гражданской войной Севера и Юга (самой кровопролитной в XIX веке) плюс рабством на половине своей территории...

А еще путь к капитализму – это колониализм. И Первая Мировая война. И Вторая Мировая война, которую Германия (напомним: ее экономика была основана преимущественно на частной собственности) начала против других капиталистических стран – Польши, Франции и Англии...

Рынок «доказал» свою эффективность:

тезис о диалектическом единстве производительных сил и производственных отношений устарел?

Десятилетия господства так называемого «экономического империализма», переносящего модели функционирования рынка на все сферы общественной жизни¹, существенно модифицировали представления об обществе. Тезис о диалектическом единстве производительных сил и производственных отношений как об основе развития общества кажется устаревшим. Автор с коллегами-единомышленниками по научному поиску показывают в своих работах, что это сугубо неверно. Наш подход предполагает критическое восстановление классического положения о **диалектическом взаимодействии производительных сил и производственных отношений**. Последнее означает, что не только производительные силы, развиваясь, требуют рождения новых производственных отношений, но и то, что развитие производительных сил в рамках одной и той же формации происходит вследствие противоречий господствующих производственных отношений. Это развитие предполагает, в том числе, и их существенные изменения, например, описанный еще в «Капитале» переход от простой кооперации и мануфактуры к индустрии, от формального к реальному подчинению труда.

Существенно при этом, что *каждая исторически-конкретная система производственных отношений* в период своего прогресса (1) способствует большему или меньшему (в этом, в частности, мера ее прогрессивности) *стимулированию роста производительности труда* и (2) *создает свои особые формы развития производительных сил* (так, например, капитализм стимулирует, прежде всего, рост вещного богатства и утилитарного потребления); эта же исторически-конкретная система производственных отношений (3) *задает границы и пределы* характерного для данного способа производства прогресса производительных сил.

Впрочем, это все лишь подзабытый классический марксизм.

Ключевым же вопросом современного марксизма в этом проблемном поле становится исследование *форм, потенциала и границ прогресса постиндустриальных технологий в условиях глобального капитализма*. И здесь мы доказываем, что этот новый тип производительных сил (и глобальные проблемы, с ним связанные) исчерпывает потенциал прогресса в рамках не только капитализма, но и всей экономической общественной формации («царства необходимости», предыстории), создавая возможность и необходимость перехода к новому типу общественного развития («царству свободы»).

С тезисом о диалектическом единстве конкретно-исторических производительных сил и производственных отношений прямо сопряжен акцент на исследовании **исторически ограниченных конкретных социально-экономических систем**. Такой подход позволяет, в частности, показать, что «рыночная экономика» является одной из таких систем, имеет содержательные пространственно-временные границы.

Сама постановка такой проблемы (согласитесь, достаточно важной в теоретическом – по меньшей мере – отношении) симптоматична. Ни один из учебников есоnomics (кроме предисловий, написанных в ряде из

¹ Подробный анализ этого феномена представлен в работе: Бузгалин А.В., Колганов А.И. Есоnomics как прошлое: к критике «экономического империализма» // Бузгалин А. В., Колганов А. И. Глобальный капитал. В 2-х тт. Т. 1. Методология: По ту сторону позитивизма, постмодернизма и экономического империализма (Маркс re-loaded). М.: ЛЕНАНД, 2015. С. 348-395.

них экс-марксистами¹⁾ эту проблему вообще не видит. Между тем простейший анализ доли населения мира, производящего и потребляющего большую часть продукции посредством участия в товарных отношениях, показывает, что рынок стал господствующей экономической формой лишь... в середине XX века. Даже если мы посмотрим на долю мировой продукции, производимой посредством рыночных транзакций, то и здесь рыночная экономика окажется системой, которая только столетие назад стала господствующей в мировом масштабе.

Еще более интересен вопрос о *наличии пострыночных* (т. е. более эффективных, нежели рынок) *отношений*. Если учесть, что результатом (который следует соизмерять с издержками, чтобы оценить эффективность) для экономики нового века все более становится развитие личностных качеств человека, то вопрос о наличии таких отношений станет не столь уж романтически-утопическим. Если посмотреть, какие отношения и ценности движут субъектами образования (а подавляющая его часть в Европе – некоммерческая), фундаментальной науки, подлинной культуры (не шоу-бизнеса), медицины, деятельности по рекреации социальной и природной среды и т. п., то окажется, что вопрос о пострыночных отношениях – это не интенция восстановления сталинского централизма, а по преимуществу проблема организации сознательного регулирования некоммерческих сетей в постиндустриальной сфере экономики. Не менее важна проблема преодоления узких рамок наемного труда как работы, где капитал подчиняет труд, и перехода к свободному труду, где работник (или их ассоциации, как это делается в научных и иных временных творческих коллективах, публичных университетах и т. п.) сам определяет параметры своей деятельности, ее результаты и т. п.

Все это делает марксистскую постановку проблемы *исторических границ товарного производства и капитала («рыночной экономики»)* весьма актуальной. Более того, в работах советских и постсоветских марксистов достаточно подробно раскрыты основные блоки этих отношений.

Далее. Марксизм и, прежде всего, «Капитал», показывает *структуру производственных отношений особой экономической системы и дает глубинные характеристики системы производственных отношений т. н. «рыночной экономики», капитализма, сохраняющиеся актуальными в той мере, в какой «рынок» и капитализм не утратили свои differentiae specificaе²⁾.*

Рассмотрим этот вопрос подробнее на примере логики и содержания «Капитала», дающего очень важные методолого-теоретические «подсказки» для анализа современных производственных отношений «рыночной экономики».

Для «рыночной экономики» это такие производственные отношения как товар и деньги («способ координации»), капитал (отношения присвоения и отчуждения факторов производства), распределение дохода (заработная плата, прибыль), отношения воспроизводства.

Исторические качественные изменения систем производственных отношений в России дважды подтвердили правомерность такого структурирования. И в случае перехода от Российской империи к СССР, и в случае перехода от СССР к Российской Федерации качественному изменению подвергались именно эти блоки отношений:

- отношения координации [«планификация» – либерализация];
- отношения присвоения и отчуждения (собственности) [национализация – приватизация];
- отношения распределения и перераспределения дохода [уход от доходов из прибыли, ренты и т. п. и широкая система социальных трансфертов – возрождение капиталистической системы распределения доходов];
- отношения воспроизводства [переход к социалистическому накоплению и «экономике дефицита» – «стабилизация»].

Существенно, что «Капитал» – это еще и *исследование отношений собственности* как предпосылки и результата развертывания производственных отношений особой исторически-конкретной социально-экономической системы³⁾. Это исследование знаменательно тем, что оно позволяет показать исторически-конкретное и различное для разных эпох содержание тех или иных форм собственности. В

¹ См., например: *Нуреев Р. М.* Курс микроэкономики. М., 2002.

² А всемирный экономический кризис, начавшийся в 2008 г., показал, что родовая сущность капитализма при всех ее модификациях еще отнюдь не ушла в прошлое...

³ Этот методологический тезис был развит в рамках т. н. «цаголовской» школы политэкономии экономического факультета МГУ в 1960-1970-е годы (см.: Курс политической экономии. В 2-х т. Под ред. Н. А. Цаголова. Изд. 3-е, перераб. и доп. М.: Экономика, 1973). Эти положения относительно недавно стали доступны и для англоязычного читателя благодаря блестящему тексту С. С. Дзарасова (см.: *Dzarusov S.* Critical realism and Russian economics // Cambridge Journal of Economics. 2010. № 6).

частности, то, что частная собственность может быть формой самых разных по содержанию производственных отношений: от личной зависимости и рабства через «классическую» капиталистическую частную собственность к сложным формам социализации частной собственности. Последнее позволяет, например, показать сложную систему отношений, скрытых за формой частной собственности в современной России, где противоречиво соединены не только отношения наемного труда и пережитки личной зависимости, но и многие черты советского патернализма и мн. др. Точно так же сложно и различно может быть содержание государственной формы: от реально частного присвоения государственным чиновником (современная Россия) до действительно общенародного экономического присвоения (равно общедоступные социальные блага в скандинавских странах).

Продолжим наши размышления. Рассмотрение «рынка» как формы особых производственных отношений, а не только пространства транзакций вне отношений насилия, позволяет, в частности, раскрыть связь отношений товарного производства с особыми технологическими укладами и над-экономическими факторами, показать, какие материальные и пост-материальные условия адекватны и способствуют развитию рынка, какие – нет и почему. Соответственно, марксистская теория позволяет вывести (а не просто постулировать) характеристики того, какой особый тип личности (поведения, мотивации, ценностей) формирует эта система, раскрыть анатомию товарного (денежного) фетишизма, развивающегося ныне в «рыночный фундаментализм».

Значимо и то, что методология «Капитала» позволяет показать где, как и почему, при каких условиях будут формироваться альтернативные рынку механизмы координации (от бартера до сознательного регулирования), раскрыть природу денег как товара особого рода со всеми вытекающими отсюда следствиями и т. п.

Конечно же, наиболее важной в данном случае остается проблема актуальности *трудовой теории стоимости*. Повсеместное господство теории предельной полезности стало видимым основанием для отказа трудовой теории стоимости в теоретической и практической актуальности. Но так ли все здесь просто?

Ввиду ограниченности объема настоящего текста мы лишь аннотируем методологический ключ к решению этого вопроса. Начнем с того, что *трудовая теория стоимости* (и это специально подчеркивал сам Маркс) является предельной, глубинной абстракцией, а в соответствии с методом Маркса путь от нее до поверхностных непосредственных экономических действий далек. Чтобы пройти этот путь, мы должны лишь начать с двойственного характера труда (трудовую теорию стоимости Маркса часто путают со сведением стоимости к объему трудозатрат, да еще и измеренных в рабочем времени – сие грубейшая ошибка). Далее мы двинемся к исследованию в 3 главе I тома «Капитала» феномена цены, спроса и предложения (да-да, это категории «Капитала!»), отклонений цен от стоимости; далее к исследованию превратных форм заработной платы и прибыли, средней прибыли и цены производства, рыночной стоимости и рыночной цены. И только так мы вплотную подойдем к тому, что далее и сделал маржинализм: к исследованию того, как именно движутся цены и как должны себя вести в этих условиях продавцы и покупатели с тем, чтобы максимизировать свой доход.

В рамках последней функциональной зависимости и создается объективная видимость того, что цены определяются предельной полезностью продуктов. И эта видимость не случайна – это типичная превратная форма, когда «кажется то, что есть на самом деле». На самом деле цены изменяются под влиянием спроса и предложения. И это не только эмпирический факт. Это вывел на основе трудовой теории стоимости К. Маркс, сформулировав закон стоимости. На самом деле субъекту рынка необходимо руководствоваться в своих решениях о купле и продаже товаров соображениями, развиваемыми неоклассической теорией, ибо они правильно отображают механизмы функционирования рынка. И потому на самом деле создается видимость того, что в основе цены лежит предельная полезность блага.

Но вот основы-то рыночной системы другие. Неоклассику они по большому счету не интересуют: она не ищет (да и не может искать в силу своей вне-историчной методологии!) ответы на вопросы о границах рынка¹. Вот почему для того, чтобы понять закономерности генезиса, развития и «заката» системы отношений товарного производства и обмена, надо анализировать нечто иное, а именно – двойственный

¹ В последние десятилетия развитие информационной революции, рост многообразия экономической жизни, развитие творческого содержания труда (человеческого и социального «капитала») и феномены «ограниченно-рационального» поведения, теоретико-методологическая критика микроэкономических оснований неоклассической теории и ряд других причин побудили экономистов, принадлежавших к *mainstream*'у, постепенно начать искать выходы за пределы прежней аксиоматики, что само по себе знаменательно. Разбор результатов этих поисков не входит в задачу данного текста, смысл которого, в частности, показать, что ответ «Капитала» на вопрос о теоретико-исторических границах товарных отношений не устарел.

характер труда, лежащего в основе товара. Только этот анализ покажет, как, где и почему коллективный труд в рамках натурального хозяйства сменяется частным трудом обособленного производителя, действующего в условиях общественного разделения труда, а этот труд может смениться всеобщей творческой деятельностью homo креатора (homo creator).

Такова аннотация авторского видения проблемы соотношения трудовой теории стоимости и теории предельной полезности: первая показывает глубинные основы отношений товарного производства, исторические и теоретические границы этой системы, ее природу, тогда как вторая выводится из первой через сложную цепочку опосредований и указывает на фиктивное (как бы «наведенное») содержание действительно существующих превратных форм – определенных функциональных зависимостей в соотношении спроса, предложения и т. п.

Соответственно, марксова теория нужна «лишь» для того, чтобы исследовать природу и границы товарной экономики; для анализа функциональных зависимостей спроса и предложения она, действительно, не нужна. «Исюминка», однако, заключается в том, что *нынешний рынок уже подошел к своим границам, и для того, чтобы понять, кто, как и почему действительно определяет не столько цены, сколько закономерности эволюции современного рынка, нужно анализировать прежде всего его сущность*. И вот здесь-то вновь оказывается востребован марксистский анализ проблем обособленности производителей (которая ограничивается, «подрывается» не только государством, но и «рыночной властью» ТНК), типа и природы новой сетевой модели разделения труда и мн. др.

Дополним эту тезу также и тем, что в рамках западного марксизма проблемы трудовой теории стоимости за эти полтора столетия стали предметом серьезных работ многих десятков известных ученых. Центральной в данном случае стала известная тема «противоречия» между I и III томами «Капитала». Напомним, что в первом томе Маркс пишет о цене как денежном выражении стоимости товара (овещенного в нем абстрактного общественного труда), тогда как в третьем – о цене производства (определяемой величиной издержек производства и средней прибыли), причем с точки зрения экономистов-математиков получается, что если средства производства учитывать не по стоимости, а по цене производства, то при расчете средней нормы прибыли либо сумма прибылей не равна сумме прибавочных стоимостей, либо сумма цен производства не равна сумме стоимостей. На эту тему написаны многие сотни работ и обзор этой полемики, равно как и многочисленных работ, указывающих на возможные коррективы трудовой теории стоимости или даже необходимость отказа от нее, не входит в круг наших задач, хотя, несомненно, был бы интересен для российского читателя, мало с ним знакомого. В данном случае лишь подчеркнем: на базе трудовой теории стоимости выросла немалая плеяда различных направлений экономической теории. Среди них есть и те, кто развивает идеи Маркса, продолжая использовать прежде всего диалектический метод, и те, кто опирается прежде всего на метаматематическое моделирование. Poleмика этих многочисленных направлений продолжается и дает весьма интересные результаты.

Не менее актуален и содержащийся в основном труде К. Маркса *анализ капитала как системы отношений отчуждения [работника от труда, его факторов и результата] и присвоения [труда, его факторов и результата]*. Это исследование позволяет раскрыть экономические основы ряда принципиально значимых социально-экономических феноменов. Среди них – закономерности эволюции подчинения труда капиталу и эволюции этого подчинения от формального к реальному и – далее – современным формам подчинения личностных качеств человека корпоративной «матрице».

На этой основе становится возможным раскрыть причины и условия обострения или, наоборот, смягчения противоречий между субъектами наемного труда и капиталистического присвоения (причем присвоения не только прибыли, но и условий производства, как физического капитала, так и институциональных предпосылок и даже «невещественных активов фирмы»). А это противоречие может вызывать самые различные интенции: от свершения социальных антикапиталистических революций, которых с 1917 года было более 20, до требований социального ограничения «рынка», (точнее – капитала) и нахождения компромиссов («социальное партнерство» и др.), позволяющих снять напряжение этих противоречий. Именно марксистская теория позволяет показать, как, где и почему наемные работники пойдут как класс на компромисс, а где и почему они перейдут к революционным действиям. Не правда ли, полезное (в том числе для представителей имущих страт) знание?

Позволяет марксова теория капитала показать и причины, равно как условия, роста/снижения социальной поляризации («относительного обнищания» пролетариата), в частности, обосновать вывод, что при прочих равных условиях *капитал стремится к относительному сокращению доли заработной платы во вновь созданной стоимости, что вне условий социального противодействия со стороны наемных работников ведет к росту социальной дифференциации, неравенства*.

Для наемных работников это вывод, указывающий на необходимость солидарных социально-экономических действий. Для собственников капитала – руководство к противоположному действию: если работники и их профсоюзы слабы, можно повышать продолжительность рабочей недели и интенсивность труда, снижать социальные гарантии и т. п. (что и происходит в последние годы в большинстве как развитых, так и развивающихся стран).

Этот вывод также достаточно подробно развит в многочисленных работах марксистов прошлого и нынешнего веков. На многочисленных фактах он обосновывается в широко известных работах Розы Люксембург¹, Э. Мандела² и мн. др. Последние данные на эту тему представлены в работах многих марксистски-ориентированных ученых, работающих в диалоге с профсоюзами и многими международными НПО³.

Одним из наиболее интересных аспектов развития темы капитала как особого феномена стала серия работ по проблемам природы капитала и экономического роста (знаменитая дискуссия «Кембридж – Кембридж»⁴), для которой была характерна полемика представителей одного из интересных западных направлений, развивающих одновременно идеи Рикардо, Маркса и Кейнса, с одной стороны, неоклассиков – с другой. В рамках работ представителей «английского Кембриджа» (восходящих к работам Дж. Робинсон, П. Сраффы, Дж. Харкорта и др.⁵), в частности, была показана плодотворность использования трудовой теории стоимости и теории прибавочной стоимости для моделирования экономической динамики. На этой основе отечественными учеными была показана заведомая неплотворность «шоковой терапии» и неизбежность глубокого экономического кризиса в результате ее применения⁶.

Многие открытые Марксом общественные законы сегодня не действуют. Почему?

Итак, классическая марксистская теория была и остается истинной как теория индустриальной капиталистической общественно-экономической системы периода ее «классики». Также весьма значимыми были и являются наброски Маркса по проблемам философии (особенно социально-политической), проблемам рождения нового общества и мн. др., но эти аспекты сейчас оставим в стороне.

Для нас важнее другое. В точном соответствии не только с методологией, но и с теорией марксизма мы можем и должны сказать: *в той мере, в какой капиталистическая общественная система изменилась по сравнению с теми ее параметрами, которые исследовал Маркс, – в этой мере теоретические положения классического марксизма должны быть «неверны»*. Точнее так: открытые Марксом законы должны в этой мере или не действовать, или действовать по-другому. Поэтому в современном мире, где развивается глобальная интеграция национальных рынков в мировую экономическую систему, пронизанную новыми противоречиями; где началась постиндустриальная (информационная, человеческая и т. п.) революция; где реальностью стали монополии и антимонопольная политика, государственное регулирование и социальные трансферты, соизмеримые с едва ли не третью валового национального продукта, – в этом мире в точном соответствии с методологией Маркса законы классического индустриального капитализма не должны и не могут действовать в том виде, в каком они описаны в «Капитале».

¹ См.: *Luxemburg R. Einführung in die Nationalökonomie*. Berlin, 1925. P. 275-277. (Русское издание: *Люксембург Р. Введение в политическую экономию*. М., 1960).

² См.: *Mandel E. Late Capitalism*. London – New York: Verso. 1987. P. 150-153.

³ Многочисленные иллюстрации, характеризующие ситуацию последних лет нового века, можно найти в ежегоднике *Globalization of Resistance*, выходящем на нескольких языках мира.

⁴ О ходе этой дискуссии см., например: *Robinson J. History versus Equilibrium*. L.: 1974; *Rowthorn R. E. Neo-Classicism, Neo-Ricardianism and Marxism // New Left Review*. 1974. № 86. P. 63–87; *Hahn F. H. Revival of Political Economy: The Wrong Issues and the Wrong Argument // Economic Record* 51. 1975. P. 103-117. Детальный анализ этой дискуссии в русской экономической литературе содержится в: *Теория капитала и экономического роста / Под ред. С. С. Дзарасова*. М.: Изд-во МГУ, 2004. С. 69–128.

⁵ См., например: *Harcourt J. Some Cambridge Controversies in the Theory of Capital*. Cambridge, 1972; *Robinson J. Keynes and Ricardo // Collected Economic Papers*. L.: 1979. Vol. 5; *Eichner A. Toward a New Economics. Essays in Post-Keynesian and Institutional Theory*. L.: Basingstoke, 1985; *Sraffa P. Production of Commodities by Means of Commodities: Prelude to a Critique of Economic Theory*. Cambridge, 1960.

⁶ *Дзарасов С. С. Способен ли частный капитал модернизировать российскую экономику? // Вопросы экономики*. 2005. № 4. С. 131-147; *Дзарасов С. С. Куда Кейнс зовет Россию? М., 2012; Дзарасов Р. С., Новоженев Д. В. Крупный бизнес и накопление капитала в современной России*. М.: Едиториал УРСС, 2005.

Так, факт полета самолета не отменяет правомерности закона всемирного тяготения (в соответствии с которым тело, если оно тяжелее воздуха, должно падать на землю), а подтверждает его. Самолет *не* падает на землю в строгом соответствии с этим законом, который можно было бы специально переформулировать для непонятливых: тело тяжелее воздуха будет стремиться упасть на землю с силой, равной его весу; но оно не упадет на землю, если этому будет противодействовать другая сила (в случае с самолетом – подъемная сила крыла). Так же и характерные для ряда десятилетий XX века процессы снижения социальной дифференциации не отменяли закона-тенденции относительного обнищания пролетариата, а предполагали действие других мощных процессов, вызвавших к жизни значительное перераспределение доходов от класса буржуазии к классу наемных рабочих.

То же можно сказать и о других закономерностях, открытых и обоснованных Марксом в «Капитале». И рост обобществления производства, и закон-тенденция нормы прибыли к понижению, и ряд других подвергаемых ныне критике закономерностей строго выводятся Марксом из некоторых предпосылок. Среди них важнейшие – действие закона стоимости (классический вид которого предполагает свободную, «совершенную» конкуренцию), закона прибавочной стоимости (классическое действие которого предполагает реальное подчинение труда капиталу и несовместимо с участием рабочих в управлении, прибылях, собственности, не говоря уже о прямом перераспределении части прибавочной стоимости в пользу трудящихся через такие механизмы, как прогрессивный подоходный налог и мн. др.) и рост органического строения капитала.

Последняя предпосылка особенно важна. Как мы уже отметили выше, Маркс исследовал капитализм, развивавшийся на базе индустриальных производительных сил, для которых как раз и был характерен относительно более быстрый рост массы применяемого «мертвого» (овещненного в машинах, сырье и т. п.) труда по сравнению с живым трудом. Попутно подчеркнем: у Маркса везде речь идет не о стоимостном, а об органическом строении капитала. Для последнего стоимостные измерители, взятые сами по себе, не адекватны; оно предполагает учет только таких изменений стоимостного строения, которые обусловлены изменениями технического строения, т. е. предполагают элиминирование процессов удешевления постоянного капитала и удорожания переменного¹.

Но это не главное. Главное в другом: переход к качественно иным технологиям, предполагающим человеческую, информационную и т. п. революции, рост значения творческой деятельности, «человеческих качеств» и т. п., естественно, привели к принципиальным изменениям не только в динамике, но и в природе и постоянного, и переменного капитала. Все это в строгом соответствии с марксовой методологией диалектического единства производительных сил и производственных отношений *должно* было вызвать существенные изменения всех базовых закономерностей капитала как производственного отношения. Это и произошло в реальности, подтверждая, а не опровергая правоту марксистской теории. Эта связка совершенно банальна и ее многократно в том или ином виде воспроизводили десятки марксистов XX века, а автор изучал ее в курсе политэкономии на первых курсах МГУ им. М. В. Ломоносова еще в начале 1970-х гг. И тогда любому студенту, пытавшемуся ничтоже сумняшеся утверждать, что в условиях капитализма второй половины XX века закономерности, показанные в «Капитале», действуют в чистом виде, ставили без всяких колебаний «неудовлетворительно» за полное непонимание теории и метода Маркса.

Еще важнее не забывать того, что *рубеж XIX-XX веков ознаменовался переходом капиталистической общественно-экономической системы в новую фазу – фазу самоотрицания, «подрыва» своих собственных основ*. Классическое состояние капитализма в развитых странах завершилось более столетия назад, сменившись длительной фазой **«заката»** – развития в недрах этой системы ростков нового качества общественно-экономической жизни².

Опять-таки в строгом соответствии с закономерностями «заката» исторически-конкретной системы этот процесс начался с привнесения в старую систему ростков новой, но в подчиненном, адаптированном для нужд старого, господствующего строя виде. Это «вливание крови молодых девушек» (ростков социализма) в тело стареющего капитализма происходило и происходит на протяжении вот уже более столетия. Процесс этот идет неравномерно, то усиливаясь (как, например, в 60-е гг. XX века), то ослабляясь (как в последние десятилетия того же столетия), но до конца он не исчезает и не исчезнет. К числу этих ростков нового ученые-марксисты еще столетие назад отнесли многочисленные формы сознательного регулирования рынка

¹ «...Я называю стоимостное строение капитала, – поскольку оно определяется его техническим строением и отражает в себе изменения технического строения, – органическим строением капитала» (Маркс К. Капитал. Т. I. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 23. С. 626).

² Основы теории самоотрицания капитализма на нисходящей стадии его эволюции содержатся прежде всего в работах по империализму В. И. Ульянова-Ленина.

со стороны как крупнейших корпораций, так и государства; многочисленные формы частичного перераспределения доходов и социального регулирования; продвижения к бесплатному обеспечению граждан базовым общественными благами (образование, здравоохранение, культура и т. п.). Добавим к этому развитие таких ростков «царства свободы» как мощная активность социальных движений и неправительственных организаций; наличие на протяжении всех этих десятилетий стран, стремившихся так или иначе развивать не-капиталистические общественно-экономические отношения и т. п. – и мы получим **мир, в котором закономерности классического капитализма просто не могут и не должны действовать в прежнем виде (а какие-то не могут и не должны действовать вообще).**

И еще одно следствие сказанного выше: там и тогда, где и когда законы Маркса оказываются адекватны для понимания реальности, мы можем говорить, что это общество, близкое по уровню развития к классическому индустриальному капитализму, подобному капитализму Великобритании позапрошлого века. И это не только теоретическая абстракция – это реалии для ряда стран в нынешнюю эпоху. Это, например, в значительной мере можно сказать о России эпохи «шоковой терапии», о многих секторах бедных стран «Третьего» мира и т. п.

Можно ли на основании сказанного выше считать, что проблему критики классического марксизма можно считать снятой?

Отнюдь.

Социалистические революции XX века произошли в слаборазвитых странах и закончились кризисом «реального социализма». Ergo?

Безусловно, многие десятилетия, прошедшие после смерти Маркса, показали, что многие положения Маркса требуют не только развития как устаревшие, но и прямой критики.

Что касается развития, то открытым остается вопрос, насколько десятки сильных и талантливых работ марксистов XX и начала нынешнего века (как отечественных, так и зарубежных), раскрывающих природу современного «позднего» капитализма, могут служить своего рода «Капиталом XX века»...

Что же касается критики, то здесь пока что без ответа остался важнейший вопрос критиков классического марксизма: почему капитализм перешел в новую, постиндустриальную, «постклассическую» стадию, а не был свергнут победоносными социалистическими революциями, необходимость которых, на первый взгляд, Маркс выводил из противоречий именно классического индустриального капитализма?

Этот вопрос, действительно, принципиален и не имеет готового простого ответа.

Начнем с того, что идея неизбежной и победоносной революции, осуществляемой классом индустриальных наемных рабочих – это не столько классический марксизм, сколько его сталинская версия, растиражированная в учебниках 30–50-х годов прошлого столетия. Ни у самого Маркса, ни у Ленина, ни в сколько-нибудь «продвинутых» учебниках марксизма, выходивших в СССР начиная с 1960-х гг., таких утверждений не было. Классический марксизм, действительно, доказывал, что индустриальный капитализм создает необходимые предпосылки для социалистической революции, и что ее субъектом является класс наемных рабочих. Но во всех работах классиков многократно подчеркивалось, что эта потенция превращается в действительность только тогда, когда складываются все необходимые социально-политические предпосылки¹.

Впрочем, для нас сейчас этот аспект является не самым главным. Важнее другое. На наш взгляд (и здесь автор не оригинален), *Маркс, действительно, был не прав в той мере, в какой размышлял не только о возможности, но и о необходимости социалистической революции как продукта классического индустриального капитализма*². Развитие методологии марксизма, особенно диалектики перехода от одной социально-экономической системы к другой, предполагает использование ряда сугубо марксистских, но не развитых самим Марксом, подходов, показывающих, почему утверждение о *неизбежности* социалистической революции в условиях индустриального капитализма неправомерно. Иными словами, в этом вопросе марксистская методология и теория может и должна быть использована для конструктивной критики некоторых поспешных выводов Маркса.

¹ См., например, классическое определение революционной ситуации в работе: Ленин В.И. Крах II Интернационала // Ленин В.И. Полн. собр. соч. (5-е изд.). Т. 26. С. 218.

² Существует традиционный взгляд на эту проблему, согласно которому готовность индустриального капитализма к социалистической революции является само собой разумеющейся (см., например: Семенов В. С. Социализм и революции XXI века: Россия и мир. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. С. 17-20). В то же время уже давно известна критика этой позиции (Wright Mills Ch.. The Marxists. New York: Dell, 1962. P. 116).

Начнем с подтвержденного опытом последнего столетия и достаточно известного (но часто «забываемого» критиками марксизма) тезиса о том, что смена социально-экономических систем осуществляется не как одномоментный акт скачка от одного развитого целого к другому развитому целому, а как длительный процесс «заката» одной системы и генезиса другой. Этот процесс длителен (занимает исторические периоды, большие, чем собственно зрелое, «классическое» состояние) и сугубо нелинеен. На протяжении всего этого периода перехода возможны и необходимы революции и контрреволюции, реформы и контрреформы. В рамках старой системы образуются переходные формы, включающие ростки нового качества общественного развития; в рамках возникающей новой обязательно сохраняются значимые элементы старой. При этом господствующими в обоих случаях становятся не «чистые», а переходные отношения и формы...

Эта диалектика перехода у самого Маркса «прописана» слабо, есть лишь некоторые наброски, свидетельствующие о том, что Маркс видел эту проблему¹. Зато в работах марксистов XX века и последнего десятилетия об этом сказано немало. И не только сказано, но и доказано². Так, например, ленинское исследование империализма позволило ему прямо заявить: «Империализм вырос как развитие и продолжение основных свойств капитализма вообще. Но капитализм стал капиталистическим империализмом лишь на определенной, очень высокой ступени своего развития, когда некоторые основные свойства капитализма стали превращаться в свою противоположность, когда по всей линии сложились и обнаружались черты переходной эпохи от капитализма к более высокому общественно-экономическому укладу»³. И эти доказательства позволяют считать обоснованным вывод о том, что *марксистская теория способна объяснить те многочисленные зигзаги, которыми полна история XX века*. Но для этого надо вместе с марксистами последнего столетия пойти дальше Маркса и учесть все многообразие явлений периода нелинейной трансформации одной системы в другую.

Далее. Для анализа процесса рождения нового общества, называвшегося Марксом коммунизмом, по-видимому, можно и должно применить (естественно, критически) методологию исследования генезиса капитала, примененную самим Марксом. В частности, методологию перехода от формального к реальному подчинению труда капиталу. Эта методология представлена, в частности, исследованием развития капитала от форм простой кооперации к мануфактуре и фабрике⁴. На первых стадиях генезиса капитал развивается на технологическом базисе, характерном для предшествующей системы (феодализма) – на базе ручного труда – и остается в этом случае неустойчивым, относительно легко уступающим место реставрационным процессам, образованием. *На базе ручного труда, мануфактурных технологий, капитализм может как выиграть у феодализма (что произошло, например, в XVI веке в Нидерландах), а может и проиграть (как это произошло примерно в то же время в итальянских городах-государствах)*. Здесь подчинение труда капиталу если и возникает, то остается неустойчивым, формальным (созданным лишь формой – производственными отношениями), но не имеющим достаточного технологического базиса. Лишь на базе машинного производства, индустриальных технологий капитализм побеждает окончательно (но тоже не везде и не сразу: вспомним хотя бы пример крепостных фабрик в России, да и всю нашу историю полуфеодалного полукапитализма позапрошлого века – века развитых индустриальных капиталистических экономик Запада).

Итак, на базе технологий (и, прежде всего, содержания труда), характерных для прежней системы (ручной труд для докапиталистических систем, индустриальный – для капитализма), новая система (соответственно, капитализм или социализм) может возникнуть, а может и не возникнуть. Революционный порыв может привести к победе, а может – к поражению. В случае победы начнется развитие новой системы на еще не адекватном для нее технологическом базисе, возникнет феномен, который можно назвать

¹ Наиболее развернуто Маркс высказался по этому поводу в известной «Критике Готской программы» (см.: *Маркс К. Замечания к программе германской рабочей партии* // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 19. С. 18-19).

² Идея переходных отношений, развивающихся в рамках капитализма («неполная плановость»), была высказана и развита представителями университетской («цаголовской») школы политэкономии еще в 1960-1970-х годах. Подробнее об этом см. *Бузгалин А. В. Университетская школа политической экономии: потенциал в решении проблем XXI века* // Международная научная конференция Ломоносовские чтения – 2016. Экономическая наука и развитие университетских научных школ (к 75-летию экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова): Сборник статей. Под ред. А.А. Аузана, В.В. Герасименко. М.: Экономический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, 2016. С. 44–52.

³ *Ленин В. И. Империализм как высшая стадия капитализма* // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 27. С. 385.

⁴ Наиболее детально этот вопрос рассмотрен К. Марксом в экономической рукописи 1861–1863 годов, в главе 5 (см.: *Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 48. С. 3–33*).

«опережающей мутацией». Это ситуация, когда общественные отношения несколько «забегают вперед» по отношению к материальному базису, содержанию труда. Если в этих условиях социальные силы созидания нового общества окажутся достаточно мощными, то новые отношения смогут обеспечить технологическую революцию и это закрепит победу нового строя. Если нет – опережающая мутация завершится регрессом и вырождением попыток создания нового общества. Для удобства дальнейшего анализа назовем «ранней» революцию, совершающуюся в условиях развитого (но не «позднего», «закатного») состояния старой системы и на базе адекватного для старой системы, но недостаточного для окончательной победы нового, уровня развития ее материально-технических предпосылок.

Парадоксом при этом является то (и это очень спорная гипотеза, которую мы выносим на обсуждение, не будучи сами в ней до конца уверены), что для совершения *ранней революции, осуществляемой на стадии зрелого состояния «старой» системы, социально-политические предпосылки складываются легче и полнее, чем в условиях «заката» последней*. При этом, однако, материально-технические и социально-экономические предпосылки ранней революции оказываются развиты слабее¹.

Причин для этой амбивалентности несколько.

Во-первых, противоречия старой системы в ее зрелом состоянии максимально «чисты», социальное противостояние обнажено. Система еще не породила внутри себя массу переходных отношений и «компенсаторов», смягчающих общественные конфликты.

В то же время, «классическое» состояние системы еще не порождает новых общественных сил, способных формировать новые отношения. Как известно, буржуазную революцию совершали преимущественно не крепостные, а социальные силы, возникшие на обломках крепостничества – лично свободные представители «третьего сословия». Точно так же можно предположить (и это прямая критика классического марксизма), что главным субъектом социалистических преобразований должен стать новый субъект, вырастающий как продукт снятия экономической зависимости работника (наемного характера труда). Сейчас можно предположить, что это будут представители «креативного класса», не подчиненные непосредственно капиталу (укажем в качестве примера на значительную часть учителей, социальных работников и т. п. субъектов по преимуществу творческой деятельности, проявляющих в последние десятилетия очень большую социальную активность). Последнее отрицает тезис классического марксизма о революционной роли индустриального пролетариата.

Во-вторых, в рамках «классической» системы еще не сформировалась типичная для периода «заката» некая совокупность таких переходных отношений, которые «уводят» общественное развитие в сторону от «красной нити» исторического процесса. Переходные формы предотвращают (на более или менее долгое время) взрыв старой системы, создают некий «отводной канал», пространство для исторических зигзагов, порождая в конечном итоге тупиковые, но временно полезные для старой системы квази-новые общественные отношения. В результате вместо социализации производства и собственности развертывается экономика, в которой господствующее положение занимают гигантские акционерные капиталы; вместо свободного труда – формы «народного капитализма» и социального партнерства; вместо ассоциированного планирования – бюрократическое и потому малоэффективное государственное регулирование; вместо свободного и гармоничного развития личности – общество потребления (а теперь уже и пресыщения). Эти переходные формы, намеренно повторим этот тезис, уводят развитие в сторону от дороги рождения качественно нового общества, создавая пространство «обходов», в котором вполне могут развиваться и технологии, и благосостояние, но эти «обходы», в конечном счете, ведут в тупик...

В то же время, эти переходные отношения создают определенные социально-экономические и общественно-политические предпосылки для нового строя. Так, формирование гигантских акционерных обществ создает предпосылки для социализации, государственное регулирование – для демократического планирования, социальное партнерство – для освобождения труда и т. п.

В-третьих, период «заката» общественно-экономических систем рождает специфические, приспособленные к задачам выживания и развития прежней системы, пути развития технологий, прежде всего – труда. Так, объективно создаваемая развитием индустрии необходимость перехода к

¹ Ленин в свое время наметил такую постановку вопроса: «Чем более отсталой является страна, которой пришлось, в силу зигзагов истории, начать социалистическую революцию, тем труднее для нее переход от старых капиталистических отношений к социалистическим. <...> Для каждого, кто вдумывался в экономические предпосылки социалистической революции в Европе, не могло не быть ясно, что в Европе неизмеримо труднее начать, а у нас неизмеримо легче начать, но будет труднее продолжать, чем там, революцию» (Ленин В. И. Седьмой экстренный съезд РКП (б) 6–8 марта 1918 г. Политический отчет Центрального комитета 7 марта // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 5–6, 10).

преимущественно творческой деятельности в условиях позднего капитализма оборачивается приоритетным развитием того, что мы условно назвали «превратным (по существу – бесполезным) сектором»¹. В самом деле, для последних десятилетий характерно наиболее быстрое развитие таких сфер, как финансы, государственное и корпоративное управление, масс-культура и СМИ, военно-промышленный комплекс и т. п., где по преимуществу создаются бесполезные продукты, лишь косвенно способствующие прогрессу производительности труда и человеческих качеств. Вместо приоритета воспитателей и учителей, врачей и экологов, ученых и художников поздний капитализм формирует приоритеты финансистов и брокеров, охранников и «моделей», звезд шоу-бизнеса и рэп-музыкантов...

Кстати, в условиях позднего феодализма также формировался своеобразный превратный сектор – сфера производства непродовольственных предметов роскоши, огромная «сфера услуг» (растущие полчища слуг), непомерные военные расходы и т. п.²

Кроме технологических зигзагов «закатные» траектории порождают и зигзаги социальные. В обществах, где *застаивается* старая система, господствующими становятся ценности и стимулы, характерные для «закатного» типа личности с его конформизмом, отторжением парадигм социального творчества (да и вообще прогресса), ориентацией на ценности бесполезного (превратного) сектора, а не социальное обновление. В результате складываются мощные общественные противовесы интенциям рождения нового общества.

Тем самым ***перед социальной революцией в поздних системах встает особая задача: вывести технологическое и социальное развитие из того тупика, в который его заводит процесс «заката» прежней системы, а граждан – из того тупика конформизма, в который их заводит застойный тип эволюции старой системы.*** Если же революция совершается в обществе, где эти тупиковые траектории еще не господствуют, то задачи движения к новому обществу упрощаются...

Однако, этот параметр так же амбивалентен, как и два предыдущих. Уводя социальный и технологический прогресс в сторону, переживающая «закат» система, тем не менее, развивает производительные силы, повышает производительность труда и в этом смысле продвигает нас к новому обществу.

В результате сказанного мы приходим к не слишком очевидному и несколько парадоксальному с точки зрения классического марксизма (но в нынешнем веке отнюдь не оригинальному) выводу: *для успешной социалистической революции в идеале (который на практике, естественно, никогда в полной мере не достигим) необходимы следующие условия:*

(1) высокий уровень производительности труда и технологического развития, достаточный для хотя бы формального освобождения труда, при относительно слабом развитии превратных форм этого прогресса (превратного сектора);

(2) развитие социальных сил освобождения, стоящих «по ту сторону» классического пролетариата при сохранении «прозрачности» социального противостояния и относительно слабом влиянии превратных ценностей и стимулов;

(3) формирование относительно «чистых», адекватных задачам саморазвития нового общества форм переходных отношений.

Иными словами, *к социализму лучшего всего было бы идти в стране, где еще нет переразвитого «общества пресыщения», но уже есть высокий, не меньший чем в сегодняшних развитых странах, потенциал технологического и социального прогресса плюс налицо (само)организованный субъект общественного обновления, переполняемый социально-творческой энергией.*

В реальной истории все было, есть и будет много сложнее. Так, в Российской империи начала XX века в результате ее внутренних противоречий, крайне обостренных Первой мировой войной, были налицо только предпосылки второго блока, да и то в крайне странном виде – в виде симбиоза нескольких миллионов солдат, матросов и рабочих, готовых отдать свои жизни ради снятия неимоверно тяжелых противоречий России 1917 года, и нескольких сотен тысяч (само)организованных большевиков и их союзников, действительно способных к сознательному социальному творчеству. В результате предпосылки первого и третьего блоков в нашей стране создавались ценой максимального напряжения не-технологических и не-экономических факторов: массового насилия и массового энтузиазма. Неизбежное исчерпание потенциала

¹ Подробнее о бесполезном (превратном) секторе см.: Колганов А. И., Бузгалин А. В. Реиндустриализация как ностальгия? Теоретический дискурс // Социологические исследования. — 2014. № 1. С. 80–94.

² Этот факт отражен, в частности, в книге: *Иноземцев В. Л. Очерки истории экономической общественной формации.* М.: Таурис Альфа, 1996.

сначала (к началу 1950-х гг.) первого, а затем (к концу 1960-х гг.) и второго вызвало неизбежный крах этой опережающей мутации.

Что касается современного состояния мира, то автор видит только один, да и то несколько фантастический вариант комбинации *условий, наиболее благоприятных для социалистической революции*: (1) присутствует и играет одну из ведущих ролей в общественном развитии социально-творческий субъект – люди, хотя бы отчасти занятые социально-творческой деятельностью и в незначительной мере подчиненные стандартам общества пресыщения; (2) достаточно высок (близок к среднему для развитых стран) уровень технологического развития и производительности; (3) налицо достаточно сильная тенденция самоорганизации и слабо развито подчинение труда капиталу; (4) большинство работников занято не в превратном секторе; (5) развиты переходные к посткапитализму формы. Эта система должна, однако, оставаться под внешней властью капитала, ибо иначе это будет уже готовый социализм.

На первый взгляд, системы, для которой были бы характерны хотя бы в значительной мере названные выше черты, нет и быть не может. И это действительно так, если мы говорим о некоторой *стране*. Однако современный мир – это мир глобализации, а не национальных государств. И потому мы можем поставить вопрос по-другому: *а нет ли в современном мире такого субъекта глобальных процессов, который был бы близок по своим основным параметрам к названной выше модели?*

На этот вопрос ответ найти уже несколько легче. Внимательный исследователь, знакомый с альтернативами современного мира, его уже, по-видимому, увидел: это сети новых социальных движений и неправительственных организаций¹. Для них и их членов в основном характерны названные выше черты, но они по-прежнему живут и действуют в мире, подчиненном глобальному капиталу. Именно против него они и могут совершить социальную революцию. Только это будет не столько национальная революция в виде штурма нового Зимнего дворца или Казарм Монкада, в которых засели силы капитала, сколько *глобальная революция против правил тотальной гегемонии капитала*.

Естественно, это уже значительный отход (надеемся – шаг вперед) от классического марксизма. Но, повторим, было бы странно ожидать от марксиста того, чтобы он считал возможным видеть и тем более осуществлять ныне социальные преобразования в соответствии с канонами позапрошлого века...

¹ См.: Альтерглобализм: Теория и практика «антиглобалистского» движения / Под ред. А. В. Бузгалина М.: УРСС, 2003; Кто сегодня творит историю: альтерглобализм и Россия / Под ред. А. Бузгалина, Л. Ожогойной. М.: Культурная революция, 2010 (второе издание, переработанное и дополненное – 2012); *Агитон* К. Альтернативный глобализм. Новые мировые движения протеста. М.: Гилея, 2004.

Глава 3.

Реактуализация марксизма: новые ответы на новые вопросы

Вернемся к проблеме, поставленной в начале этого текста: *почему же развитие в XX веке пошло не по Марксу?* Почему социалистические революции совершились не в наиболее развитых странах, а там, где совершились, породили не только определенные достижения, но и монстров наподобие ГУЛАГа, в конечном итоге закончившись крахом порожденных ими систем? Почему господствующей стала траектория самореформирования капитализма?

Ответ на этот вопрос отчасти уже был дан выше. Карл Маркс и понимаемый только как наследие самого Маркса марксизм были и остаются ограниченными исследованием преимущественно классического состояния капитализма. Они не принимали (и не могли принять в силу исторической специфики) во внимание всей многосложной диалектики «заката» старых и рождения новых систем, сложностей их нелинейных трансформаций, хотя ряд предпосылок такого анализа (в частности, идея формального и реального подчинения труда капиталу) в этом наследии есть.

Однако этого мало. Главный новый параметр, привнесенный XX веком, – это постановка в повестку дня проблемы перехода не столько от капитализма к социализму (коммунизму как посткапиталистическому способу производства), сколько гораздо более масштабной трансформации – перехода от «царства необходимости» к «царству свободы», от метасистемы обществ, основанных на социальном отчуждении и приоритетном развитии материального производства, к пространству и времени социального развития, лежащего «по ту сторону» этого отчуждения и собственно материального производства.

Главными сегодня становятся глобальные проблемы, а не классовая борьба: «провал» марксизма?

Итак, по мнению автора, ключевое отличие современного марксизма (и большинства других социально-освободительных теорий XX–XXI веков) от марксизма классического состоит в том, что первый (не всегда осознанно) поставил во главу угла проблему принципиально более масштабную и сложную, нежели «только» вопрос смены капитализма новым общественным строем – уже названную выше проблему «заката» «царства необходимости» и рождения «царства свободы».

Для себя этот тезис (в гораздо более примитивной формулировке) автор вместе со своим товарищем с университетской скамьи и соавтором по многим работам А. Колгановым впервые открыли более тридцати лет назад, заканчивая первый курс МГУ имени М. В. Ломоносова. Буквально через несколько дней, обратившись к Марксу, мы с радостью обнаружили, что это одно из ключевых положений, четко сформулированных как самим Марксом, так и его сподвижником Энгельсом¹. Несколько позднее мы с еще

¹ «Царство свободы начинается в действительности лишь там, где прекращается работа, диктуемая нуждой и внешней целесообразностью, следовательно, по природе вещей оно лежит по ту сторону сферы собственно материального производства. Как первобытный человек, чтобы удовлетворять свои потребности, чтобы сохранять и воспроизводить свою жизнь, должен бороться с природой, так должен бороться и цивилизованный человек, должен во всех общественных формах и при всех возможных способах производства. С развитием человека расширяется это царство естественной необходимости, потому что расширяются его потребности; но в то же время расширяются и производительные силы, которые служат для их удовлетворения. Свобода в этой области может заключаться лишь в том, что коллективный человек, ассоциированные производители рационально регулируют этот свой обмен веществ с природой, ставят его под свой общий контроль, вместо того чтобы он господствовал над ними как слепая сила; совершают его с наименьшей затратой сил и при условиях, наиболее достойных их человеческой природы и адекватных ей. Но тем не менее это все же остается царством необходимости. По ту сторону его начинается развитие человеческих сил, которое является самоцелью, истинное царство свободы, которое, однако, может расцвести лишь на этом царстве необходимости, как на своем базисе... царство свободы начинается в действительности лишь там, где прекращается работа, диктуемая нуждой и внешней целесообразностью, следовательно, по природе вещей оно лежит по ту сторону сферы собственно материального производства» (*Маркс К. Капитал. Т. III / Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 25, ч. II. М: ИГЛ, 1962. С. 386-387*). Другой аспект этой проблемы освещен Ф. Энгельсом: «Раз общество возьмет во владение средства производства, то будет устранено товарное производство, а вместе с тем господство продукта над производителями. Анархия внутри общественного производства заменяется планомерной, сознательной организацией. Прекращается борьба за отдельное существование. Тем самым человек теперь – в известном смысле окончательно – выделяется из царства животных и из звериных условий существования переходит

большей радостью обнаружили эти тезисы в работах своих учителей – марксистов-шестидесятников в СССР. Получив доступ к зарубежным «диссидентским» изданиям мы (и уже без удивления – странно было бы думать, что западный марксизм не развивает этих идей) нашли и там некоторые исследования по этой проблематике¹.

Так вот, именно этот «нюанс» (проблема перехода «по ту сторону» материального производства, проблема глобальной трансформации всей «предыстории»), в большинстве случаев игнорировавшийся в примитивных марксистских текстах XX века (но, повторим, не самим Марксом и не творческим марксизмом), и позволяет объяснить большую часть специфических для начавшейся около столетия назад эпохи глобальных проблем.

Самим Марксом эта проблематика была только намечена, а ортодоксальным «марксизмом» сталинской поры в значительной мере проигнорирована. Как следствие, анти-марксизм, знакомый по преимуществу только с этими, самыми примитивными версиями критикуемой им теории, сделал вывод о еще одном «провале» марксизма.

Самое смешное, что в некотором, крайне ограниченном смысле, эта критика была правомерна: классический марксизм, действительно, основной акцент делал на исследовании развитого капиталистического способа производства, его социально-классовых противоречий, предпосылок и движущих сил его снятия. Исследование того проблемного поля, которое выдвинулось на первый план в XX веке, в работах Маркса и Энгельса было лишь намечено. Зато в XX веке оно неслучайно оказалось в центре внимания практически всех основных течений творческого марксизма и – шире – демократической социалистической мысли. Можно утверждать, что именно **глобальная проблема нелинейного перехода из «царства необходимости» в «царство свободы» стала генетически-всеобщей основой большинства специфических новых разработок марксизма XX – XXI веков.**

Лишь несколько мозаичных иллюстраций к этому тезису.

Проблемное поле А. Грамши – темы гегемонии (категория, характеризующая одну из основных форм отчуждения и, одновременно, потенциал его снятия), проблемы роли интеллигенции и культуры, идеи свободной добровольной ассоциации – все это проблематика, существенно выходящая за традиционные рамки исследования капитала и пролетариата. Но в работах этого мыслителя тема глобального скачка к новому качеству общественного бытия, снимающего всю предысторию, только намечается².

в условия действительно человеческие. Условия жизни, окружавшие людей и до сих пор над ними господствовавшие, теперь подпадают под власть и контроль людей, которые впервые становятся действительными и сознательными повелителями природы, потому что они становятся господами своего собственного объединения в общество. Законы их собственных общественных отношений, противостоявшие людям до сих пор как чуждые, господствующие над ними законы природы, будут применяться людьми с полным знанием дела и тем самым будут подчинены их господству. То объединение людей в общество, которое противостояло им до сих пор как навязанное свыше природой и историей, становится теперь их собственным свободным делом. Объективные, чуждые силы, господствовавшие до сих пор над историей, поступают под контроль самих людей» (*Энгельс Ф.* Развитие социализма от утопии к науке // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 19. М.: ИГЛ, 1961. С. 227).

¹ О проблемах отчуждения и его снятия и в этом контексте – о проблеме перехода к «царству свободы» немало писалось и отечественными, и зарубежными исследователями, особенно в середине XX века. Подробнее этот вопрос рассматривается во 2-ом томе «Глобального капитала», ссылку на который мы давали ранее. Сейчас же отметим круг работ, в которых прямо или косвенно рассматривается названная нами выше проблема: *Бойков В., Тоценко Ж.* Отчуждение: экономическое сознание в социологическом измерении // Диалог. 1990. № 13. С. 51-57; *Грецкий М. Н.* Марксисты Запада и развитие общества // Социальная философия в конце XX века. М., 1991. С. 169-171; *Огурцов А. П.* Отчуждение и человек: историко-философский очерк // Человек, творчество, наука. Философские проблемы. М., 1967. С. 41—82; *Ойзерман Т. И.* Проблемы отчуждения и буржуазная легенда о марксизме. М., 1965; Проблема отчуждения в современной теории культуры, этике и эстетике. Свердловск: Изд-во УрГУ, 1990. С. 25-41; *Ollman B.* Alienation: Marx's Conception of Man in Capitalist Society. Cambridge U.P., 1976; *Meszaros I.* Marx's Theory of Alienation. London: Merlin Press, 1970; *Marcuse H.* «The Realm of Freedom and the Realm of Necessity: A Reconsideration» and «Revolutionary Subject and Self-Government» with a discussion by Ernst Bloch // Praxis: a Philosophical Journal (Zagreb). № 5. 1969. P. 20-25, 326-329; *Klagge J. C.* Marx's Realms of «Freedom» and «Necessity» // Canadian Journal of Philosophy. № 16. December 1986. P. 769.

² См. подробнее: *Грамши А.* Избранные произведения: ТТ. 1-3. М., 1957-1959; *Грецкий М. Н.* Антонио Грамши – политик и философ. М., 1991; *Илларионов О. В.* Грамши и проблема историцизма // Философские науки. 1991. № 1. С. 96-105; *Коломиец В. К.* Грамши: Актуальное наследие // Полис. 1997. № 4. С. 185-188; *Матвеев П. А.* А. Грамши о «философии эпохи». По страницам «Тюремных тетрадей» // Философские науки. 1987. № 5. С. 57-66; *Пантин И. К.* Проблема политического в концепции Антонио Грамши // Философия и этика: Сб. науч. трудов к 70-летию академика А. А. Гусейнова. М.: Альфа, 2009. С. 312-325.

Исследования Д. Лукача, особенно его работы по истории классового сознания и феноменологии общественного бытия¹, прямо выводят нас на проблемы отчуждения во всем многообразии его видов, характерных для «царства необходимости», а не только капитализма. Будущее общество все более позиционируется именно как снятие *всей* предыстории, что позволяет ученому сделать целый ряд интереснейших следствий для теории социализма, но это уже другая тема. Существенно, однако, что эта линия была затем активно развита в работах как советских (М. Лифшиц, Э. Ильенков и др.), так и западных ученых (И. Мессарош, Б. Оллман и др.)². Косвенным ответвлением этого направления стали ученые, близкие к школе «Праксис» (также акцентировавшие недостаточность исследований в рамках проблемного поля классического марксизма)³.

Тематика Франкфуртской школы непосредственно слабо пересекалась с рассматриваемыми нами фундаментальными социальными проблемами, но в своих гуманистических, освободительных интенциях ее представители тяготели к более широкому, нежели сугубо классовому, взгляду на проблему освобождения человека и общества. Впрочем, эти интенции вкупе с постепенным отказом от диалектики и переходом к анализу человеческих отношений преимущественно сквозь призму «коммуникативных» аспектов бытия увели их в сторону от проблем социальной эмансипации...⁴

В отличие от них Ж.-П. Сартр и подавляющее большинство его последователей из круга марксистов проблемы гуманизма и свободы (причем свободы позитивной, не «свободы от», а свободы деятельного совместного преобразования мира) сделали непосредственным центром исследования. Они четко переместили акцент на проблематику принципиально более глобальную, нежели исследование собственно классического капитализма. Сходную тенденцию выразили и другие гуманистические направления в социальной философии и психологии (среди наиболее ярких примеров здесь – работы Г. Маркузе и Э. Фромма⁵). Интереснейшие работы по проблемам свободы, гуманизма, отчуждения появились в 1960-70-е гг. в СССР, Польше, Венгрии, ГДР и др. странах «Мировой социалистической системы».

Вообще, поставив в центр внимания проблемы человека и свободы, творческий марксизм середины XX века по сути дела (хотя и не всегда осознавая это теоретико-методологически) перенес акцент с экономико-политических вопросов анатомии капитализма и его кризиса на иные проблемы. Проблематика социальной эмансипации Человека и Природы стала центральной для левых теоретиков с этого периода, породив широчайший спектр взаимопересечений гуманизма и социализма.

Поставив в центр внимания всю совокупность параметров, угнетающих и порабощающих человека, марксизм смог адекватно ответить на вызовы основных глобальных проблем, этим угнетением рожденных. Так в круг внимания исследователей левого спектра оказались включены проблемы эмансипации женщин (левый феминизм), расового неравенства, взаимодействия «центра» и «периферии», миграции и мн. др.

Другой крупнейшей подвижкой стало привнесение в марксизм и теорию социализма экологической проблематики. И хотя постановка задачи «натурализации человека и гуманизации природы» относится еще к рукописям Маркса 1844 г., свою действительную актуальность этот блок проблем обрел лишь во второй половине XX века. Для этого были как мощнейшие эмпирические основания (обострение экологических проблем и превращение их в глобальные), так и теоретические предпосылки.

¹ См.: Лукач Д. История и классовое сознание. Исследования по марксистской диалектике. М.: Логос-Альтера, 2003; Лукач Д. К онтологии общественного бытия. Прологомены. М.: Прогресс, 1991.

² См.: Ollman B. Alienation: Marx's Conception of Man in Capitalist Society. Cambridge U.P., 1976; Meszaros I. Marx's Theory of Alienation. London: Merlin Press, 1970.

³ См.: Батищев Г. С. Противоречие как категория диалектической логики. М., 1963; Он же. Деятельностная сущность человека как философский принцип // Проблема человека в современной философии. М., 1969; Он же. Введение в диалектику творчества (Серия «Философы России XX века»). СПб., 1997.

⁴ Даже у Юргена Хабермаса, который отнюдь не чужается проблемы социального освобождения человека, перевод межличностных взаимодействий на жаргон «коммуникативного действия» лишь затуманивает содержание человеческих отношений, на которых может базироваться освобождение. См., например: Хабермас Ю. Понятие индивидуальности // Вопросы философии. 1989. № 2; Он же. Моральное сознание и коммуникативное действие / Пер. с нем. под ред. Д. В. Складнева, послесл. Б. В. Маркова. СПб.: Наука, 2000; Он же. Демократия. Разум. Нравственность. М.: Наука, 1992; Он же. Философский дискурс о модерне / Пер. с нем. М. М. Беляева и др. М.: Весь мир, 2003; Он же. Проблема легитимации позднего капитализма. М.: Праксис, 2010.

⁵ См.: Маркузе Г. Одномерный человек. М.: «Refi-book», 1994; Он же. Эрос и цивилизация. Киев, 1995; Он же. Разум и революция. СПб.: «Владимир Даль», 2000; Он же. Критическая теория общества. М.: «АСТ», «Астрель», 2011; Он же. Конец Утопии // Логос. 2004. № 6; Он же. 33 тезиса // Альтернативы. 2007. №2; Фромм Э. Бегство от свободы. М.: Прогресс, 1990; Он же. Революция надежды. Санкт-Петербург АСТ, АСТ Москва, 2006.

О последних несколько слов особо. Тема скачка «по ту сторону собственно материального производства» в качестве одной из главнейших своих проблем неслучайно выдвигает принципиальное изменение отношения общества и природы: последняя в процессе движения из «царства необходимости» в «царство свободы» должна превратиться из прежде всего предмета труда (ресурса материального производства) в прежде всего культурную ценность (биогеосфера как самоценное условие воспроизводства человеческой личности и общества в целом – ноосфера). Так в повестку дня альтернативного теоретического мышления вошел экосоциализм и различные вариации на темы решения проблем не просто сохранения, но возрождения Природы

Подчеркнем: подавляющее большинство теоретиков левого спектра, работающих над проблемами экологии, гуманизма, феминизма и т. п., как правило, не акцентируют или даже не осознают содержательной связи их исследований с глобальным контекстом грандиозной трансформации, начало которой мы все переживаем вот уже столетие. Нелинейно и крайне противоречиво начавшийся скачок из «царства необходимости» в «царство свободы», а не только «закат» капитализма – вот глубинная основа и объективных, онтологических проблем снятия всех видов отчуждения Человека, Природы, Общества, и гносеологического акцента на этой проблематике.

В эту бочку гуманистически-экологического меда следует, однако, добавить изрядные порции современного неопозитивистского и постмодернистского дегтя. Конец прошлого и начало нынешнего веков ознаменовались кризисом не только стран «реального социализма», но и едва ли не всей марксистской теории. «Новые левые», постарев, потеряв в качестве достойного оппонента свое активное alter ego («мировое коммунистическое движение») и столкнувшись с бешеной атакой неолиберализма, в значительной части растерялись, а то и капитулировали под этим натиском. В результате с конца XX века стала активно развиваться проповедь не только «заката» «больших нарративов», но и отхода значительной части (экс-?) марксистов от масштабной социальной тематики вообще.

Позитивистски-прагматический взгляд сделал постановку «абстрактной» проблемы социально-экономического и политико-идейного освобождения не только немодной, но и едва ли не ненаучной (в самом деле, результаты такого рода исследований плохо поддаются верификации...). Постмодернизм вообще объявил единственно достойными интеллектуала деконструкцию, десубъективацию, децентрацию и т. п., что, естественно, потребовало отказа от проблем поиска Истины, Добра и Красоты, а вместе с этим фактически запретило даже постановку проблемы гуманизма и свободы (последняя рассматривается постмодернизмом едва ли не единственно как свобода от Истины, а то и вообще контекста-содержания). В результате конец XX – начало XXI веков ознаменовались засильем не только в mainstream'e, но и в среде левых интеллектуалов либо узких позитивных исследований, либо постмодернистской критики...

Естественной реакцией большинства «традиционалистских» марксистских теоретиков (особенно в СССР и затем в странах СНГ) на произошедшие в XX веке теоретические сдвиги стала критика акцента на глобальной гуманистически-социо-экологической проблематике. Она вновь (как и во времена брежневизма) стала рассматриваться как едва ли не предательство интересов классовой борьбы наемных рабочих и ревизионизм.

В этой критике, заметим, есть и доля правды: *проблемное поле трансформации «царства необходимости» в «царство свободы» не может и не должно полностью вытеснить «традиционных» марксистских вопросов исследования анатомии позднего капитализма, его «заката», сил и путей формирования посткапиталистической общественной системы (социализма).*

Так перед марксизмом нового века встает целая серия задач, среди которых первоочередными, на наш взгляд, являются следующие. Во-первых, реабилитация во всей его полноте вопроса о глобальной трансформации «царства необходимости» в «царство свободы» как генетически-всеобщего основания всех проблем эмансипации Человека, Общества и Природы. Во-вторых, проблемы содержательного исследования природы, противоречий и путей снятия позднего капитализма. В-третьих, соединение этих двух проблемных областей в рамках единой теоретической парадигмы. В-четвертых, конструктивная критика узкого прагматизма и постмодернизма как по большому счету тупиковых методологий. Подчеркнем: единственно возможной позитивной основой для такой критики станет дальнейшее развитие марксистской методологии, превращающееся для левых теоретиков в одну из задач первостепенной важности.

Формационный подход не объясняет «столкновения цивилизаций» и зигзагов современного исторического развития: марксистская социальная философия устарела?

Среди фундаментальных социо-философских идей Маркса едва ли не наибольшей критике подвергнулся и подвергается формационный подход, который при этом, как правило, строится на «трех китах». Первый «кит» – сталинская «пяточленка» – трактовка всемирной истории как линейной смены пяти общественных формаций (первобытнообщинной, рабовладельческой, феодальной, капиталистической и коммунистической). Второй – утверждение, что развитие производительных сил приводит к смене общественно-экономических формаций, а базис определяет надстройку. Третий – однозначно-классовый подход к анализу любых общественных событий. Все три уже давно показали свою ограниченность и не составляет труда доказать, что они сугубо недостаточны для исследования социальной динамики. Но: они никогда не были характерны для марксизма как такового, если только не принимать за него ряд догматических учебников сталинской поры и изложения основ марксизма в работах наиболее примитивных антимарксистов¹.

Парадоксом, однако, является то, что большинство серьезных исследователей, которые вопреки внеисторической методологии позитивизма и постмодернизма все же берутся исследовать качественные изменения в экономической жизни, как правило, так или иначе, используют те или иные из этих упрощенных подходов. Наиболее часто – тезис об определяющем влиянии технологических изменений на экономику и институты² – тезис сам по себе справедливый, но требующий учета и обратных связей, о которых мы уже упоминали и еще напишем...

Между тем, начиная с середины прошлого века и в России, и за рубежом в *гуманистической философии истории* марксизм сделал ряд важных новых акцентов.

Начнем с того, что для нашего течения характерно *переосмысление ортодоксальных представлений о структуре общества* (производительные силы, определяющие производственные отношения и базис, определяющий надстройку). Мы в полной мере унаследовали от творческого марксизма XX века признание активной роли национальных, политических, социокультурных факторов, в основе своей определяемых «базисом», но оказывающих в те или иные периоды времени решающее воздействие на общественное развитие. Это, прежде всего, периоды радикальных трансформаций, когда базисная детерминация ослаблена – старая система производственных отношений уже разрушена, а новая еще не сложилась. Постсоветская школа критического марксизма добавила к этому анализ причин и последствий возрастания роли этих факторов в период «заката» экономической общественной формации. Последнее, кстати, косвенно отражается в неслучайно возросшей ныне популярности «цивилизационного» подхода: выход на первый план не-базисных различий и конфликтов типичен для периода перехода «по ту сторону» материального производства, происходящего, однако, в превратных формах глобальной гегемонии капитала.

Именно этот процесс, как показано в наших исследованиях, создает *видимость «столкновения цивилизаций»*³. За этой видимостью скрывается, однако, сущность, которая *существенно* отлична от видимости. Эта сущность – противоречия субъектов и объектов гегемонии глобального капитала, где первые монополизировали высокие технологии, институты экономического (ТНК, МВФ, ВТО...) и политического (НАТО и т. п.) господства, информационно-образовательные и масс-культурные каналы манипулирования, обрекая вторых (прежде всего – беднейшие и относительно самостоятельные страны «Второго» и «Третьего» миров – от Югославии до Ирака, Ирана и т. п., включая в будущем, возможно, Россию) на поиск альтернатив в, по видимости (NB! именно видимости), единственно не монополизированных глобальным капиталом формах общественной жизни – в реакционно-добружуазных формах фундаменталистских традиций, религии и т. п. Поскольку же господство первых имеет видимость доминирования западной цивилизации, а обособление вторых – борьбы за сохранение «традиционных ценностей» восточной, постольку названные противоречия и получают видимостную окраску столкновения цивилизаций, за что и хватаются стремящиеся не различать сущность и явление исследователи-позитивисты.

¹ См.: *Поппер К.* Открытое общество и его враги. Т. 2: Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы. М., 1992. С. 113, 119-120, 123. Критика этих взглядов дана, в частности, в работе: *Бузгалин А. В.* «Анти-Поппер» (Социальное освобождение и его друзья). М., 2003.

² Это типично, в частности, для большинства исследователей генезиса постиндустриальной (информационной, знаниеинтенсивной и т. п.) экономики, начиная с Д. Белла, если не раньше...

³ Эта весьма популярная идея была изложена в книге: *Huntington S. P.* The Clash of Civilizations and The Remaking of World Order. New York: Simon&Shuster, 1996.

В основе обозначенного выше метода решения проблемы «столкновения цивилизаций» лежит давно известное, но многими ныне «забытое» положение о наличии в марксизме *принципиально более сложной, нежели сталинская «пятичленка», теории периодизации общественного развития*¹.

Здесь автор вместе со своим соавтором А. Колгановым предложили *мультипространственную модель выделения и сравнения социально-экономических систем*. Эта модель предполагает выделение сложной системы взаимосвязанных параметров, определяющих особенности генезиса, развития и «заката» этих систем, а также их трансформаций². Ключевым параметром среди них являются определяющие сущность каждой из систем отношения работника и собственника средств производства. Этот тезис университетской («цаголовской») школы, восходящий к работам Маркса, выделявшего периоды личной и вещной зависимости (отношения внеэкономического принуждения или капиталистической, «экономической» эксплуатации, предполагающей овещнение человеческих отношений), а также свободной индивидуальности.

Еще более важен для нас выделенный выше акцент на процессе перехода от эпохи господства материального производства и отчужденных экономических отношений («царства необходимости») к новому обществу, лежащему «по ту сторону» (К. Маркс) этих отношений («царству свободы»). Этот переход, внешние формы которого фиксируются теориями постиндустриального (информационного и т. п.) общества³, является ключевым пунктом исследования всех современных процессов, так что мы можем сказать: *если классический марксизм вырос на базе исследования противоречий, пределов и объективно возможных путей снятия капитализма, то постсоветская школа критического марксизма вырастает на базе исследования противоречий, пределов и объективно возможных путей снятия мира отчуждения в целом («царства необходимости»)»*⁴.

Данный подход позволяет раскрыть характерное для «царства необходимости» **фундаментальное противоречие исторического процесса**. Одна сторона этой противоположности – господство в условиях «царства необходимости» системы отношений отчуждения, превращающих человека в марионетку объективных сил – разделения труда, личной зависимости, рынка, капитала и государства... Другая – творчество как родовое свойство человека. Именно творческая деятельность Общественного Человека в материальном производстве, культуре, общественной жизни изменяет этот мир по законам Истины, Добра и Красоты, обеспечивая технический, научный и культурный прогресс, осуществление социальных революций и реформ, позволяющих преодолеть рабство и крепостничество, колониализм и ужасы дикого капитализма, а в дальнейшем и саму капиталистическую систему...⁵

Тем самым мы не только восстанавливаем и ре-аргументируем в полемике с постмодернизмом классический марксистский критерий прогресса – свободное всестороннее развитие личности, – но и показываем его актуальность. Этот критерий в современную эпоху становится не просто абстрактным социально-нравственным императивом, восходящим к Аристотелю и Канту, но и практически актуальным критерием экономико-социально-политических действий. В самом деле, переход к обществу, основанному на превращении творческой деятельности в главный «фактор», «ресурс» (автор нарочито использует здесь прагматично-экономическую терминологию) развития, аналогичный по своей роли земле в добуржуазных системах и машине в капиталистической, автоматически вызывает необходимость в развитии креативного потенциала человека как «сверхзадаче» общественного развития. Другое дело, что глобальная гегемония

¹ Можно отметить, по крайней мере, что К. Маркс писал о переходе от предьстории человечества к его подлинной истории (Маркс К. К критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 13. М: ИПЛ, 1959. С. 8); о скачке из «царства необходимости» в «царство свободы» (Маркс К. Капитал. Т. III // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 25, ч. II. М: ИПЛ, 1962. С. 386-387), о переходе от личной зависимости к вещной зависимости, и от последней – к свободной индивидуальности.

² Подробнее о модели см.: Бузгалин А., Колганов А. Экономика: «Периодическая система элементов» (к вопросу о структуризации и типологизации экономических систем) // Вопросы экономики. 2001. № 12. С. 46–61; Бузгалин А. В., Колганов А. И. Экономика как развитие исторически-конкретных экономических систем: структура и «периодическая система» элементов (к вопросу о структуризации и типологизации экономических систем) // Бузгалин А. В., Колганов А. И. Глобальный капитал. В 2-х тт. Т. 1. Методология: По ту сторону позитивизма, постмодернизма и экономического империализма (Маркс re-loaded). М.: ЛЕНАНД, 2015. С. 319-347.

³ Подробнее анализ этой связи см. в: Бузгалин А. В. Постиндустриальное общество – тупиковая ветвь социального развития? // Вопросы философии. 2003. № 2.

⁴ Следует отметить, что эта постановка проблемы содержится и в работах самого К. Маркса (особенно в его экономико-философских и экономических рукописях), и в работах ряда его последователей в XX веке.

⁵ См.: Батищев Г. С. Введение в диалектику творчества (Серия «Философы России XX века»). СПб., 1997; Сзв Л. Марксизм и теория личности / Пер. с фр. М.: Прогресс, 1972.

капитала загоняет эту тенденцию в узкий коридор «общества потребления (пресыщения)» и «общества профессионалов», ведущий в конечном итоге в тупик глобальных проблем.

Реакцией на эту угрожающую человеку тупиковость глобальных проблем становится постмодернистское безразличие к проблеме прогресса, скрывающее не просто признание, но и пассивное подчинение человека силам нынешней глобальной протоимперии, на откуп которой отдается право на навязывание своих критериев «прогресса» («цивилизованности») методами экономической, политической, идеологической и масс-культурной экспансии¹.

В отличие от постмодернистской апологии пассивности постсоветская школа критического марксизма, развивая классические положения марксистской философии истории, подчеркивает **активно-созидательную роль Человека как творца общественных отношений**, способного на развертывание своих социально-творческих сил в период прогрессивных социальных революций и реформ (будь то Война за независимость в США или хрущевская оттепель в СССР). Однако современный марксизм, в отличие не только от догматических своих ответвлений, но даже и от классики, на первый план выносит проблему *границ активизма созидательно-творческой деятельности Человека, и ответственности пассивно-недеятельностного конформиста*, способствующего застою и/или регрессу. В связи с этим отметим, что на предельно абстрактном уровне решение проблемы границ социально-творческого активизма состоит в том, что *социально-творческое воздействие общественного субъекта на историю возможно и необходимо в той мере, в какой оно содействует снятию отчуждения и прогрессу Человека*. Определение же этой меры – задача всякий раз конкретная, и решается она реальными общественно-культурными силами, для которых всегда стоит дилемма, за правильность решения которой несет персональную ответственность каждый субъект².

Такой подход непосредственно корреспондирует с акцентом современного марксизма на **нелинейности общественного развития**, возможности и типичности не только прогрессивно-поступательных реформ и революций, способствующих развитию человеческих качеств и росту производительности труда, но и реверсивных общественных процессов – контрреволюций и контрреформ. Такое попятное, *реверсивное течение исторического времени* становится особенно характерно тогда, когда прогрессивный активизм заходит слишком далеко (относительно объективных и субъективных предпосылок) в своих попытках продвижения к новому обществу и обратное колебание маятника исторического процесса вызывает мощные регрессивные изменения. Последнее, в частности, характерно для постсоветских трансформаций.

Более того, как мы уже отметили выше, современный марксизм, особенно отечественный, показал, что в *развитии общественных систем наиболее продолжительными и значимыми, а вместе с тем и наиболее сложными для исследования, являются не столько зрелые, развитые состояния, сколько длительные периоды возникновения и отмирания исторически-конкретных систем, связанные с образованием широкого круга переходных отношений, противоречиями революционных и контр-революционных, реформаторских и контр-реформаторских процессов*. При этом данные переходы подчиняются некоторым специфическим закономерностям (нелинейное течение социального времени, мозаичность, расколотовость социального пространства, более высокая, чем в стабильных системах, роль не-экономических детерминант перехода, господство неформальных институтов и мн. др.).

Особенности таких трансформационных процессов наиболее подробно нами раскрываются на примере социально-экономических изменений в постсоветском пространстве³. Здесь именно марксистская методология оказалась наиболее востребована в силу объективных особенностей трансформационных

¹ Отдавая дань политико-экономической специализации автора, заметим, что, например, методология неоклассической экономической теории, восходя к философии позитивизма (а уж тем более постмодернизм) вообще отрицает прогресс, а реальная экономическая политика, основанная на неоклассических постулатах, в качестве критерия прогресса рассматривает *меру приближения экономических систем к идеалу свободно-конкурентного рынка, основанного на частной собственности*. Особенно явно это проявляется в неоклассических трактовках трансформаций в России, где «переход к рынку» есть самоцель, которая, по мнению авторов «шока без терапии», оправдывает любые средства (в том числе, грандиозный регресс «человеческих качеств») без всяких дальнейших оговорок, в точном соответствии с буквой и духом Макиавелли-Сталина.

² Подробнее см.: Бузгалин А. В., Колганов А. И. По ту сторону отчуждения: социальное творчество и свобода // Бузгалин А. В., Колганов А. И. Глобальный капитал. В 2-х тт. Т. 1. Методология: По ту сторону позитивизма, постмодернизма и экономического империализма (Маркс re-loaded). М.: ЛЕНАНД, 2015. С. 438-530.

³ См. также: Бузгалин А. В., Колганов А. И. Теория социально-экономических трансформаций. М., 2003.

экономик¹, и именно здесь отечественным постсоветским критическим марксизмом достигнуто наибольшее продвижение. Неслучайно и то, что наиболее интересные результаты в развитии социально-экономической теории оказались связаны с исследованиями именно позднего капитализма, его специфических черт и противоречий на стадии развития постиндустриальных тенденций и глобализации, где, как мы постарались показать, происходит самоотрицание собственных основ рынка и капитала. Причем это самоотрицание, как и в эпоху империализма XX века, происходит в рамках прежней системы и служит ее укреплению.

В России восстанавливается капитализм. Следовательно... марксизм показал свою актуальность применительно к исследованию постсоветских социумов?

Что же позволяет нам говорить об актуальности марксистской теории для России? Ответ на этот вопрос связан как с проблемами объяснения прошлого и настоящего, так и с исследованием объективных тенденций рождения возможного будущего.

Что касается прошлого, то известен тезис Грамши о том, что революция 1917 года произошла «не по «Капиталу»². И это действительно так, если смотреть на проблему узко политико-экономически. Но объективно произошедшие в XX веке во многих слабо- и среднеразвитых странах антикапиталистические экономические изменения поставили проблему возможности *опережающего развития* и решения буржуазных задач (1) прогресса технологии создания позднеиндустриального уклада и перехода к постиндустриальному и (2) обеспечения материального благосостояния на уровне «общества потребления» для значимой части граждан, профессионального образования и т. д.³

Ключ к решению выделенной выше теоретической проблемы отчасти дает методология марксизма, прежде всего, теория формального и реального подчинения труда капиталу, о которой мы уже упоминали выше. В частности, мы уже отмечали, что сформировавшиеся «на вырост» производственные отношения капитализма при благоприятных социально-политических условиях (например, в Нидерландах с XVI века) могли обеспечить опережающее развитие технологий. И наоборот, при неблагоприятных условиях индустриальные технологии могли развиваться в феодальных формах (крепостные фабрики в России XIX века).

Отсюда гипотеза возможности развития при благоприятных условиях отношений формального освобождения труда на базе недостаточных для посткапиталистической системы технологических и культурных предпосылок. В СССР социальные и политические условия оказались неадекватны для решения задач опережающего развития, некапиталистические формы решения проблем (1) и (2) не были найдены (или были найдены лишь отчасти – в сферах образования, фундаментальной науки, культуры). Возможно ли нахождение этих форм в других странах в XXI веке – открытый вопрос.

В результате кризиса попыток создания посткапиталистического общества на неадекватном базисе в нашей стране в точном соответствии с «Капиталом» реализовалась модель реверсивного движения к капиталистической системе производственных отношений⁴.

¹ Не случайно даже ортодоксальные либералы, исследуя фундаментальные вопросы трансформаций, оказались вынуждены обращаться к некоторым аспектам марксистской методологии – проблемам исторических и логических границ экономических систем, диалектике производительных сил и производственных отношений, исследованию отношений собственности и т. п. Так, содержащая ряд вполне разумных аргументов теза неолибералов о том, что реальный социализм погиб, т. к. не смог справиться с новой волной технологических изменений, в точности (и даже несколько вульгарно) воспроизводит ортодоксальный марксистский тезис о том, что старая система производственных отношений сменяется качественно новой тогда, когда она становится тормозом развития переросших ее производительных сил.

² См. подробнее об этом тезисе Грамши: *Грецкий М. Антонио Грамши // Альтернативы. 1995. № 3; Славин Б. «Философия практики» и революция глазами А. Грамши // Альтернативы. 2010. № 3; СССР. Незавершенный проект / Под ред. А. В. Бузгалина. М.: УРСС, 2012. С. 498-505.*

³ См.: *Либерализм и социализм: Запад и Россия. К 200-летию со дня рождения А. И. Герцена / Под ред. М. И. Воейкова. М.: УРСС, 2013.*

⁴ Возможность такого реверсивного движения предвидел Л. Д. Троцкий: «Если, наоборот, правящую советскую касту низвергла бы буржуазная партия, она нашла бы немало готовых слуг среди нынешних бюрократов, администраторов, техников, директоров, партийных секретарей, вообще привилегированных верхов. Чистка государственного аппарата понадобилась бы, конечно, и в этом случае; но буржуазной реставрации пришлось бы, пожалуй, вычистить меньше народу, чем революционной партии. <...> Никак нельзя рассчитывать и на то, что бюрократия мирно и добровольно откажется от самой себя в пользу революционного равенства. ...На дальнейшей

Это реверсивное движение («шоковая терапия»), однако, также происходило в неблагоприятных (по критериям теории товара, денег и капитала, представленной в «Капитале») условиях. В частности, для экс-СССР был характерен слом многих параметров системы общественного разделения труда (распад СССР и «Мировой социалистической системы»). В наших странах отсутствовали технологические предпосылки обособленности производителей (высокий уровень концентрации и специализации), не было массы свободных рациональных работников, готовых к наемному труду, и предпринимателей, способных вести капиталистический бизнес (пережитки патернализма, специфическая модель ценностей и поведения, существенное влияние криминальной среды и т. п.). Точно так же отсутствовали предпосылки для быстрого накопления капитала, способного поглотить столь большие материальные производственные ресурсы, каковые имелись в СССР.

В силу названных причин (в точном соответствии с «Капиталом») ускоренный переход к «рынку» в этих неадекватных (для развития капитализма) условиях не мог не привести и привел к мутациям капитализма, формированию того, что авторы образно назвали «капитализмом юрского периода»¹ и, как следствие, глубокому кризису. Все это было, повторим, неслучайно и предсказуемо, об этом еще накануне «реформ» писали марксисты, и в том числе – автор этих строк².

Наконец, «Капитал» и последующие работы марксистов, исследующих прежде всего производственные отношения и отношения собственности, полезны и для понимания действительной *анатомии современной российской экономики*, где превратные формы камуфлируют действительное содержание экономических процессов. Названная методология позволяет выделять действительные товарные и капиталистические отношения присвоения, отчуждения, распределения в отличие от добуржуазных, мутантно-«социалистических» специфически-переходных отношений, скрывающихся за видимостными институциональными формами «рынка».

* * *

Итак, по мнению автора, повторим, ключевое отличие современного марксизма (и большинства других социально-освободительных теорий XX–XXI веков) от марксизма классического состоит в том, что первый (не всегда осознанно) поставил во главу угла проблему принципиально более масштабную и сложную, нежели «только» вопрос смены капитализма новым общественным строем – уже названную выше проблему «заката» «царства необходимости» и рождения «царства свободы». И потому сейчас мы можем с полной уверенностью говорить о том, что *классический и современный марксизм, видящие мир как всемирно исторический процесс нелинейного «заката» отношений социального отчуждения и генезиса пространства-времени свободы, может и должен служить методологическим и теоретическим ключом к решению основных «проклятых вопросов» современности и будущего:*

- какая методология может служить ключом к исследованию позднего капитализма и глобальных социально-экономических трансформаций современности?
- какие границы существуют у развития (в пространстве и во времени) товарных отношений, денег и капитала («рынка») или же их не существует вообще?
- какова анатомия капитализма эпохи информационной революции, глобализации и зарождения протоимперии?...

Ответы на эти и многие сопряженные с ними вопросы ищут и зарубежные, и отечественные марксисты, предлагая широкий спектр решений, среди которых и те, что разрабатывают представители Постсоветской школы критического марксизма, в рамках которой работает и автор этого текста.

стадии она должна будет неминуемо искать для себя опоры в имущественных отношениях» (Троцкий Л. Преданная революция. М.: НИИ Культуры, 1991. С. 209-210). В противоположность Троцкому, М. И. Воейков полагает, что капиталистическая система в СССР вообще не была преодолена: «...После революции в России получился буржуазный способ производства, и складывались буржуазные экономические отношения...» (Воейков М. И. За критический марксизм: полемика с учеными. М.: Книжный дом ЛИБРОКОМ, 2011. С. 81).

¹ См.: Политэкономика провала: природа и последствия рыночных «реформ» в России / Под ред. А. И. Колганова. М.: УРСС, 2013.

² Автор об этом писал, в частности, в статьях конца 1980-х – самого начала 1990-х гг., позднее включенных в книгу «Трагедия социализма» (М.: Экономическая демократия, 1992).

ЛИТЕРАТУРА

- Агитон К. Альтернативный глобализм. Новые мировые движения протеста. М.: Гилея, 2004.
- Альтерглобализм: Теория и практика «антиглобалистского» движения / Под ред. А. В. Бузгалина М.: УРСС, 2003
- Ананьин О. Карл Маркс и его «Капитал»: из девятнадцатого в двадцать первый век // Вопросы экономики. 2007. № 9
- Арсланов В. Г. Постмодернизм и русский «третий путь». М., 2007.
- Багатурия Г. А. Предисловие и комментарии к работе «Маркс К., Энгельс Ф. Первая программа Союза коммунистов «Манифест коммунистической партии» в контексте истории». М.: ВИУ, 2007
- Баллаев А. Читая Маркса. М., 2004
- Батищев Г. С. Введение в диалектику творчества (Серия «Философы России XX века»). СПб., 1997.
- Батищев Г. С. Деятельностная сущность человека как философский принцип // Проблема человека в современной философии. М., 1969
- Батищев Г. С. Противоречие как категория диалектической логики. М., 1963
- Бенсаид Д. Маркс [Инструкция по применению], М.: Институт общегуманитарных исследований, 2012.
- Богданов Б. В., Грецкий М. Н., Ярцев Б. К. Был ли у России выбор? М.: РАН, 1996
- Бойков В., Тощенко Ж. Отчуждение: экономическое сознание в социологическом измерении // Диалог. 1990. № 13. С. 51-57
- Боуман Э., Стоун Р. Рабочая собственность (Мондрагонская модель): ловушка или путь в будущее? М.: Экономическая демократия, 1994
- Бузгалин А. В. Университетская школа политической экономии: потенциал в решении проблем XXI века // Международная научная конференция Ломоносовские чтения – 2016. Экономическая наука и развитие университетских научных школ (к 75-летию экономического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова): Сборник статей. Под ред. А.А. Аузана, В.В. Герасименко. М.: Экономический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, 2016. С. 44–52.
- Бузгалин А. В. Рецензия на книгу Д. Котца «Взлет и падение неолиберального капитализма» // Вопросы политической экономии. 2015. № 4. С. 138–152.
- Бузгалин А. В. Будущее скандинавской модели (новый проект социально-ориентированного развития) // Альтернативы. 2011. № 1. С. 4–16
- Бузгалин А. В. «Анти-Поппер» (Социальное освобождение и его друзья). М., 2003.
- Бузгалин А. В. Постиндустриальное общество – тупиковая ветвь социального развития? // Вопросы философии. 2003. № 2.
- Бузгалин А. В., Колганов А. И. По ту сторону отчуждения: социальное творчество и свобода // Бузгалин А. В., Колганов А. И. Глобальный капитал. В 2-х тт. Т. 1. Методология: По ту сторону позитивизма, постмодернизма и экономического империализма (Маркс re-loaded). М.: ЛЕНАНД, 2015. С. 438-530.
- Бузгалин А. В., Колганов А. И. Экономика как развитие исторически-конкретных экономических систем: структура и «периодическая система» элементов (к вопросу о структуризации и типологизации экономических систем) // Бузгалин А. В., Колганов А. И. Глобальный капитал. В 2-х тт. Т. 1. Методология: По ту сторону позитивизма, постмодернизма и экономического империализма (Маркс re-loaded). М.: ЛЕНАНД, 2015. С. 319-347.
- Бузгалин А. В., Колганов А. И. Глобальный капитал. В 2-х тт. Т. 1. Методология: По ту сторону позитивизма, постмодернизма и экономического империализма (Маркс re-loaded). М.: ЛЕНАНД, 2015.
- Бузгалин А., Колганов А. Экономика: «Периодическая система элементов» (к вопросу о структуризации и типологизации экономических систем) // Вопросы экономики. 2001. № 12. С. 46–61
- Бузгалин А. В., Колганов А. И. Теория социально-экономических трансформаций. М., 2003.
- Бузгалин А. В., Колганов А. И. Трагедия социализма. М.: Экономическая демократия, 1992.
- Булавка Л.А. «Пролетарские массы» и культура: преодоление отчуждения // Философские науки. 2013. № 12
- Булавка Л. А. Творчество масс: опережение реальности // Ленин online: 13 профессоров о В. И. Ульянове-Ленине / Под общ. ред. А. В. Бузгалина, Л. А. Булавки, П. Линке. М.: ЛЕНАНД, 2011
- Булавка Л. А. «Феномен советской культуры». М., 2008
- Булавка Л. А. Социалистический реализм. Превратности метода. М.: Культурная революция, 2007
- Булавка Л. А. Ренессанс и Советская культура // Вопросы философии. 2006. № 12.
- Булавка Л. А. Нонконформизм. М., 2002
- Водолазов Г. Г. Уроки творчества, нравственности и свободы. М.: РГГУ, 2010

- Водолазов Г. Г. Идеалы и идолы. М.: Культурная революция, 2006
- Воейков М. И. За критический марксизм: полемика с учеными. М.: Книжный дом ЛИБРОКОМ, 2011.
- Воейков М.И. Предопределенность социально-экономической стратегии. Дилемма Ленина. М.: ЛИБРОКОМ, 2009
- Воейков М.И. Политико-экономические эссе. М., 2004
- Воейков М.И. Споры о социализме. М., 2001
- Волконский В. А. Драма духовной истории: внеэкономические основания экономического кризиса. М.: Наука, 2002
- Гайдар Е., Мау В. Марксизм: между научной теорией и «светской религией» (либеральная апология) // Вопросы экономики. 2004. №№ 5-6.
- Галкин А. А., Красин Ю. А. Россия: Quo vadis? М.: Институт социологии РАН, 2003
- Галкин А. А., Красин Ю. А. Россия на перепутье. Авторитаризм или демократия: варианты развития. М. 1998.
- Гловели Г. Д. Геополитическая экономия в России: от дискуссий о самобытности к глобальным моделям. Самара: Алетейя, 2009.
- Граммши А. Избранные произведения: ТТ. 1-3. М., 1957-1959
- Гребнев Л. «Мавр» возвращается? А он и не приходил... (к дискуссии о значимости научного наследия К. Маркса) // Вопросы экономики. 2004. № 9
- Грецкий М. Н. Как защитить незащищаемое? (Кое-что о трудах Александра Н. Яковлева) // Альтернативы. 1996. № 2
- Грецкий М. Антонио Граммши // Альтернативы. 1995. № 3
- Грецкий М. Н. Антонио Граммши – политик и философ. М., 1991
- Грецкий М. Н. Марксисты Запада и развитие общества // Социальная философия в конце XX века. М., 1991. С. 169-171
- Грецкий М. Н. Неомарксизм и проблемы социологии культуры. М, 1980
- Гринберг Р. Возвращение политической экономии (о книге А. Бузгалина и А. Колганова «Пределы капитала: методология и онтология») // Вопросы экономики. 2010. № 11.
- Гусев А. В. Левокоммунистическая оппозиция в СССР в первой половине 30-х годов // Политические партии России. Страницы истории. М., 2000.
- Гусев А. В. Левокоммунистическая оппозиция в СССР в конце 20-х годов // Отечественная история. 1996. № 1. С. 85-103
- Дзарасов С. С. Куда Кейнс зовет Россию? М., 2012
- Дзарасов С. С. Способен ли частный капитал модернизировать российскую экономику? // Вопросы экономики. 2005. № 4. С. 131-147
- Дзарасов С.С. Капитал и экономический рост. М., 2004
- Дзарасов Р.С., Новоженев Д. В. Крупный бизнес и накопление капитала в современной России. М.: Едиториал УРСС, 2005.
- Дмитриев А. Н. Марксизм без пролетариата: Георг Лукач и ранняя Франкфуртская школа 1920-1930-е гг. СПб., 2004
- Дорога к свободе: Критический марксизм о теории и практике социального освобождения / Под общ. ред. Б.Ф. Славина. М.: ЛЕНАНД, 2013
- Злобин Н. С. Культурные смыслы науки. М.: Институт культурологии РАН, 1997.
- Злобин Н. С. Культура и общественный прогресс. М.: Наука, 1980
- Илларионов О. В. Граммши и проблема историцизма // Философские науки. 1991. № 1. С. 96-105
- Иноземцев В. Л. Очерки истории экономической общественной формации. М.: Таурус Альфа, 1996.
- Истягин Л. Г. Пацифизм и социализм – тенденция к синтезу // Социализм-XXI. 14 текстов постсоветской школы критического марксизма / Под ред. А. В. Бузгалина, В. Н. Миронова. М.: Культурная революция, 2009.
- Кагарлицкий Б. Ю. Периферийная империя: циклы русской истории. М.: Эксмо, 2009
- Кагарлицкий Б. Ю. Политология революции. М.: Алгоритм, 2007
- Кагарлицкий Б. Ю. Марксизм: не рекомендовано для обучения. М.: Алгоритм, ЭКСМО, 2005.
- Кагарлицкий Б. Ю. Восстание среднего класса. М.: Ультра. Культура, 2003
- Кантор К. М. Двойная спираль истории. Историософия проективизма. М., 2002.
- Капиталистическая реставрация и социалистические преобразования / Под ред. И.Г.Абрамсона. М.: Культурная революция, 2013.
- Келле В. Ж. Марксизм и постмодернизм // Альтернативы. 2006. № 3
- Клоцвог Ф. Н. Социализм: теория, опыт, перспективы. М., 2008

- Колганов А. Коллективная собственность и коллективное предпринимательство. Опыт развитых капиталистических государств. (Серия «Третий путь»). М.: Экономическая демократия, 1993
- Колганов А. И., Бузгалин А. В. Реиндустриализация как ностальгия? Теоретический дискурс // Социологические исследования. 2014. № 1. С. 80–94.
- Коломиец В. К. Грамши: Актуальное наследие // Полис. 1997. № 4. С. 185-188
- Косолапов Р. И. Истина из России. М., 2004
- Косолапов Р. И. Спасибо – не надо! Марксизм: прошлое, настоящее, будущее. М., 2003
- Котельников М. Е. Основное противоречие марксизма: социально-философская экспликация. М., 2005
- Критический марксизм. Поколение next. Новый взгляд на отчуждение, глобализацию и Россию / Под ред. Г. Ш. Аитовой. М.: ЛЕНАНД, 2014
- Критический марксизм: поколение next-II. Новый взгляд на методологию, постиндустриальное общество, социологию и практику / Под ред. Г.Ш. Аитовой, А.В. Бузгалина. М.: Культурная революция, 2014.
- Критический марксизм: продолжение дискуссий / Под ред. А.В. Бузгалина, А.И. Колганова. М.: Слово, 2001
- Критический марксизм: русские дискуссии. М.: Экономическая демократия, 1999
- Кто сегодня творит историю: альтерглобализм и Россия / Под ред. А.Бузгалина, Л. Ожогойной. М.: Культурная революция, 2010.
- Кто творит историю–II: альтерглобалистские практики социальных движений и НПО / Под ред. И. Абрамсона, А. Бузгалина, П. Линке, Л. Ожогойной. М.: Культурная революция-ТЕИС, 2011.
- Кудров В. К современной научной оценке экономической теории Маркса-Энгельса-Ленина // Вопросы экономики. 2004. № 12.
- Культура. Власть. Социализм: противоречия и вызовы культурных практик СССР. Луначарский и не только / Под ред. Л. А. Булавки, М.: УРСС, 2013
- Курашвили Б. П. Новый социализм. К возрождению после катастрофы. М., 1997
- Курс политической экономии. В 2-х т. Т. I. Под ред. Н. А. Цаголова. Изд. 3-е, перераб. и доп. М.: Экономика, 1973.
- Ленин В. И. Империализм как высшая стадия капитализма // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 27.
- Ленин В. И. Крах II Интернационала // Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 26.
- Ленин В. И. Седьмой экстренный съезд РКП (б) 6–8 марта 1918 г. Политический отчет Центрального комитета 7 марта // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36.
- Либерализм и социализм: Запад и Россия. К 200-летию со дня рождения А. И. Герцена / Под ред. М. И. Воейкова. М.: УРСС, 2013
- Лобастов Г. В. Философско-педагогические этюды. М.: Микрон-принт, 2003
- Лобастов Г. В. Ильенков как философ // Вопросы философии. 2000. № 2
- Логинов В. Т. Неизвестный Ленин. М.: Эксмо, Алгоритм, 2010
- Лукач Д. История и классовое сознание. Исследования по марксистской диалектике. М.: Логос-Альтера, 2003
- Лукач Д. К онтологии общественного бытия. Прологомены. М.: Прогресс, 1991
- Люксембург Р. Введение в политическую экономию. М., 1960.
- Мареев С. Н. Встреча с философом Э. Ильенковым. Издание 2-е. М., 1997
- Маркс К. Замечания к программе германской рабочей партии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 19.
- Маркс К. К критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 13. М: ИПЛ, 1959.
- Маркс К. Капитал. Т. I. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 23.
- Маркс К. Капитал. Т. III // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 25, ч. II. М: ИПЛ, 1962.
- Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 46, ч. I.
- Маркс К. Экономические рукописи 1861–1863 годов // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 48.
- Марксизм и будущее цивилизации / Под ред. Д. В. Джохадзе. М., 2006.
- Марксизм: альтернативы XXI века: дебаты постсоветской школы критического марксизма / Под ред. А.В. Бузгалина. М.: УРСС, 2009
- Маркузе Г. Критическая теория общества. М.: «АСТ», «Астрель», 2011
- Маркузе Г. 33 тезиса // Альтернативы. 2007. №2
- Маркузе Г. Конец Утопии // Логос. 2004. № 6
- Маркузе Г. Разум и революция. СПб: «Владимир Даль», 2000
- Маркузе Г. Одномерный человек. М.: «Refi-book», 1994
- Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Киев, 1995

- Матвеев П. А. А. Грамши о «философии эпохи». По страницам «Тюремных тетрадей» // Философские науки. 1987. № 5. С. 57-66
- Медведев В. А. Перед вызовами постиндустриализма. М.: Альпина Паблшер, 2003
- Межуев В. М. Социализм пространство культуры // Социализм-21. 14 текстов постсоветской школы критического марксизма. М.: Культурная революция, 2009. (Библиотека журнала «Альтернативы»). С. 113–164.
- Межуев В. М. Маркс против марксизма. М.: Культурная революция, 2007
- Московский А. И. Институционализм: теория, основа принятия решений, метод критики // Вопросы экономики. 2009. № 3
- Науменко Л. К. «Наше» и «мое». Диалектика гуманистического материализма. М., 2012
- Нуреев Р. Исторические судьбы учения Карла Маркса // Вопросы экономики. 2007. № 9.
- Нуреев Р. М. Курс микроэкономики. М., 2002.
- Обсуждение книги Т. И. Ойзермана «Марксизм и утопизм» // Вопросы философии. 2004. № 2. С. 43-112.
- Огурцов А. П. Отчуждение и человек: историко-философский очерк // Человек, творчество, наука. Философские проблемы. М., 1967. С. 41—82
- Ойзерман Т. И. Избранные труды. В 5 томах. Том 1. Возникновение марксизма. М.: Наука, 2014.
- Ойзерман Т. И. Проблемы отчуждения и буржуазная легенда о марксизме. М., 1965
- Пантин И. К. Проблема политического в концепции Антонио Грамши // Философия и этика: Сб. науч. трудов к 70-летию академика А. А. Гусейнова. М.: Альфа, 2009. С. 312-325.
- Пензин А. Катастрофы «реального капитализма» // Художественный журнал. 2011. № 81/82;
- Плетников Ю. К. Материалистическое понимание истории и проблемы теории социализма. М.: Альфа-М, 2008
- Политэкономика провала: природа и последствия рыночных «реформ» в России / Под ред. А. И. Колганова. М.: УРСС, 2013.
- Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 2: Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы. М., 1992.
- Постсоветская «сингулярность»: несколько тезисов и историй вокруг одной проблемы // Личность. Культура. Общество. 2012. Т. XIV. Вып. 2.
- Проблема отчуждения в современной теории культуры, этике и эстетике. Свердловск: Изд-во УрГУ, 1990. С. 25-41
- Ракитская Г. Я., Ракитский Б. В. Методология марксизма и историческое поприще ее плодотворности. М.: Институт перспектив и проблем страны, 1998
- Рудык Э. Предприятия, управляемые трудом, в России: от формы к содержанию // Альтернативы. 2006. № 2
- Рудык Э. Трудящийся в управлении производством – творец или робот? (в лабиринтах современной советологии). М.: Наука, 1987.
- Сапрыкин В. А. Антикоммунизм, оппортунизм, контрреволюция. М., 2007
- Семенов В. С. Социализм и революции XXI века: Россия и мир. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009.
- Славин Б.Ф. Марксизм: испытание будущим. М., 2014
- Славин Б. «Философия практики» и революция глазами А. Грамши // Альтернативы. 2010. № 3
- Славин Б. Ф. Идеология возвращается. М., 2009
- Славин Б. Ф. О социальном идеале Маркса М., 2004
- Славин Б. Ф. Социализм и Россия. М., 2004
- Смолин О. Н. Излом: иное было дано? Проблемы революции, демократии и образовательной политики в социально-политическом процессе 90-х годов. М.: ООО «ИПТК «Логос» ВОС», 2001
- Сорокин А. В. Общая экономика: бакалавриат, магистратура, аспирантура. М.-Берлин, Директ-Медиа, 2016.
- Сорокин А. В. Теория общественного богатства. Основания микро- и макроэкономики. М.: Экономика, 2009
- Сорокин А. В. Экономическая структура общества. М., 2004.
- Социализм-21. 14 текстов постсоветской школы критического марксизма / Под ред. А.В. Бузгалина, В.Н. Миронова. М.: Культурная революция, 2009
- Социалистический идеал и реальный социализм: Ленин, Троцкий, Сталин / Под ред. И.Г. Абрамсона, П. Линке, В.А. Офицерова, Б.Ф. Славина. М.: Ленанд, 2011
- СССР. Незавершенный проект / Под ред. А. В. Бузгалина. М.: УРСС, 2012.
- Стоун Р. Почему марксизм жив? Потому что жив капитализм // Альтернативы. 1998. № 3.
- Сэв Л. Марксизм и теория личности / Пер. с фр. М.: Прогресс, 1972.
- Теория капитала и экономического роста / Под ред. С. С. Дзарасова. М.: Изд-во МГУ, 2004.
- Троцкий Л. Преданная революция. М.: НИИ Культуры, 1991

- Фромм Э. Революция надежды. Санкт-Петербург АСТ, АСТ Москва, 2006.
- Фромм Э. Бегство от свободы. М.: Прогресс, 1990
- Хабермас Ю. Проблема легитимации позднего капитализма. М.: Праксис, 2010.
- Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне / Пер. с нем. М. М. Беляева и др. М.: Весь мир, 2003
- Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / Пер. с нем. под ред. Д. В. Складнева, послесл. Б. В. Маркова. СПб.: Наука, 2000
- Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. М.: Наука, 1992
- Хабермас Ю. Понятие индивидуальности // Вопросы философии. 1989. № 2
- Хазанов В. Е. Развитие левых идей: гуманистические направления. М., 2013
- Харви Д. Мне хотелось бы разобраться в том, что происходит сегодня, ведь мир изменился // Альтернативы. 2013. № 4
- Хауг В. Глобализация, хайтек-капитализм и будущее марксизма // Альтернативы. 2008. № 3. С. 4-20.
- Цаголов Г. Модель для России. М.: Международные отношения, 2010.
- Черняховский С. Ф. Противоречивость коммунистической оппозиции в современной России. М.: Изд-во МНЭПУ, 2003.
- Чураков Д. О. Бунтующие пролетарии: Рабочий протест в Советской России. 1917-1930 годы. М.: Вече, 2007
- Чураков Д. О. Русская революция и рабочее самоуправление. 1917. М.: АИРО – XX, 1998
- Шевченко В. Н. Советская модель социалистического общества: причины поражения // Исторические судьбы социализма. М.: ИФ РАН, 2003.
- Шубин А. В. Социализм: «золотой век» теории. М., 2007.
- Энгельс Ф. Развитие социализма от утопии к науке // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 19. М: ИПЛ, 1961.
- Dzarusov S. Critical realism and Russian economics // Cambridge Journal of Economics. 2010. № 6
- Eichner A. Toward a New Economics. Essays in Post-Keynesian and Institutional Theory. L.: Basingstoke, 1985
- Hahn F. H. Revival of Political Economy: The Wrong Issues and the Wrong Argument // Economic Record 51. 1975. P. 103-117.
- Huntington S. P. The Clash of Civilizations and The Remaking of World Order. New York: Simon&Shuster, 1996.
- Harcourt J. Some Cambridge Controversies in the Theory of Capital. Cambridge, 1972
- Haug W. F. Hightech-Kapitalismus in der großen Krise, 2012
- Haug W. F. High-Tech-Kapitalismus. Analysen zu Produktionsweise, Arbeit, Sexualität, Krieg und Hegemonie, 2003
- Klagge J. C. Marx's Realms of «Freedom» and «Necessity» // Canadian Journal of Philosophy. № 16. December 1986.
- Kotz D.M. The Rise and Fall of Neoliberal Capitalism. Harvard University Press. Cambridge, Massachusetts and London, England, 2015.
- Kotz D. M. Contemporary Capitalism and its Crises: Social Structure of Accumulation Theory for the Twenty-First Century, edited volume with Terrence McDonough and Michael Reich, Cambridge and New York: Cambridge University Press, 2010
- Luxemburg R. Einführung in die Nationalökonomie. Berlin, 1925.
- Mandel E. Late Capitalism. London – New York: Verso. 1987.
- Marcuse H. «The Realm of Freedom and the Realm of Necessity: A Reconsideration» and «Revolutionary Subject and Self-Government» with a discussion by Ernst Bloch // Praxis: a Philosophical Journal (Zagreb). № 5. 1969.
- Meszaros I. Marx's Theory of Alienation. London: Merlin Press, 1970
- Ollman B. Alienation: Marx's Conception of Man in Capitalist Society. Cambridge U.P., 1976.
- Robinson J. Keynes and Ricardo // Collected Economic Papers. L.: 1979. Vol. 5
- Robinson J. History versus Equilibrium. L.: 1974
- Rowthorn R. E. Neo-Classicism, Neo-Ricardianism and Marxism // New Left Review. 1974. № 86. P. 63–87.
- Sraffa P. Production of Commodities by Means of Commodities: Prelude to a Critique of Economic Theory. Cambridge, 1960.
- Wright Mills Ch. The Marxists. New York: Dell, 1962.

Для заметок

Для заметок

Для заметок

Научное издание

Бузгалин Александр Владимирович

МАРКСИЗМ ПОСЛЕ «КАПИТАЛА»:
РОССИЙСКИЙ КОНТЕКСТ.

Доклад на международной конференции
«"Капитал"—XXI: философия, методология, теория»,
посвященной 150-летию выхода 1-го тома «Капитала» К. Маркса

Корректор: О.В. Барашкова

Сдано в набор 12.05.2017

Формат 60x84/8 Бумага офсетная.

Тираж 500 экз. Заказ

Отпечатано в издательстве
«Культурная революция».

Москва, Новосущевская ул.,
д.19 Б, эт. 4, офис 418

Тел. 8-985-468-53-52

www.kultrev.ru, editor@kultrev.ru